

ТУВЕ ЯНССОН

МУМИ-ТРОЛЬ И КОМЕТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

Annotation

«Муми-тролль и комета» — одна из первых книг в большой серии сказочных повестей о Муми-троллях и их друзьях знаменитой финской сказочницы Туве Янссон, пишущей на шведском языке.

Читатели познакомятся с героями сказки — удивительными существами, населяющими прекрасную Долину (Муми-дол): Муми-троллем, напоминающим беленького бегемотика, его папой и мамой, как две капли воды похожими на сына, фрёкен Снорк и её братом, философом Ондатром, Снусмумриком, играющим прощальные песни, учёным Хемулем и многими другими; узнают о том, что случится с Долиной, если комета протащит над ней свой пылающий огненно-красный хвост.

- [Туве Янссон](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
-

Тове Янссон
МУМИ-ТРОЛЬ И КОМЕТА

Тове Янссон

МУМИ-ТРОЛЬ
И КОМЕТА

Повесть-сказка

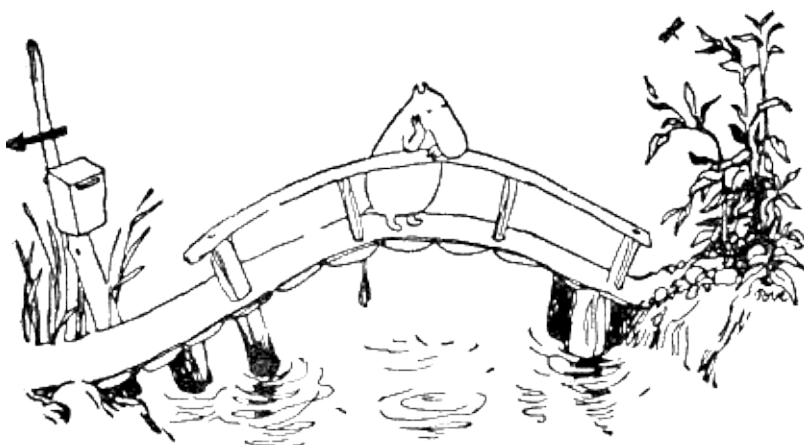
Рисунки автора

*Перевел со шведского
В. Смирнов*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва 1967

Глава первая

В то самое утро, когда папа Муми-тролля закончил мост через речку, малютка Снифф сделал необычайное открытие: он обнаружил Таинственный путь!

Путь этот уходил в лес в одном тенистом местечке, и Снифф долго стоял там, вглядываясь в зелёный полумрак.

«Об этом надо поговорить с Муми-троллем, — сказал он себе. — Надо вместе исследовать этот путь, одному боязно».

Он достал перочинный ножик, вырезал на стволе сосны секретную завитушку, чтобы легче было отыскать это место, и с гордостью подумал: «То-то Муми-тролль удивится!» А потом со всех ног пустился домой.

Вот уж несколько недель они жили в этой долине, где нашли свой дом после прошлой катастрофы. Вы, наверно, её помните?

Это была чудесная долина, полная цветущих деревьев. С гор текла узкая прозрачная речка. Она обвивалась вокруг голубого домика Муми-тролля и убегала в другие места, где жили другие тролли и всякие сниффы.

«Удивительная штука эти реки и дороги, размышлял Снифф. — Глядишь, как они стремятся мимо тебя, и на сердце становится так тревожно, так смутно. Неодолимо тянет в чужие края, тянет отправиться вслед — посмотреть, где же это они кончаются...»

Когда Снифф вернулся домой, Муми-тролль как раз устраивал качели.

— Новый путь? — переспросил он. — Вот здорово! Отправляемся сию минуту. А что он, этот путь, опасный на вид?

— Страшно опасный! — гордо заявил Снифф. — И я нашёл его совсем один, понимаешь?

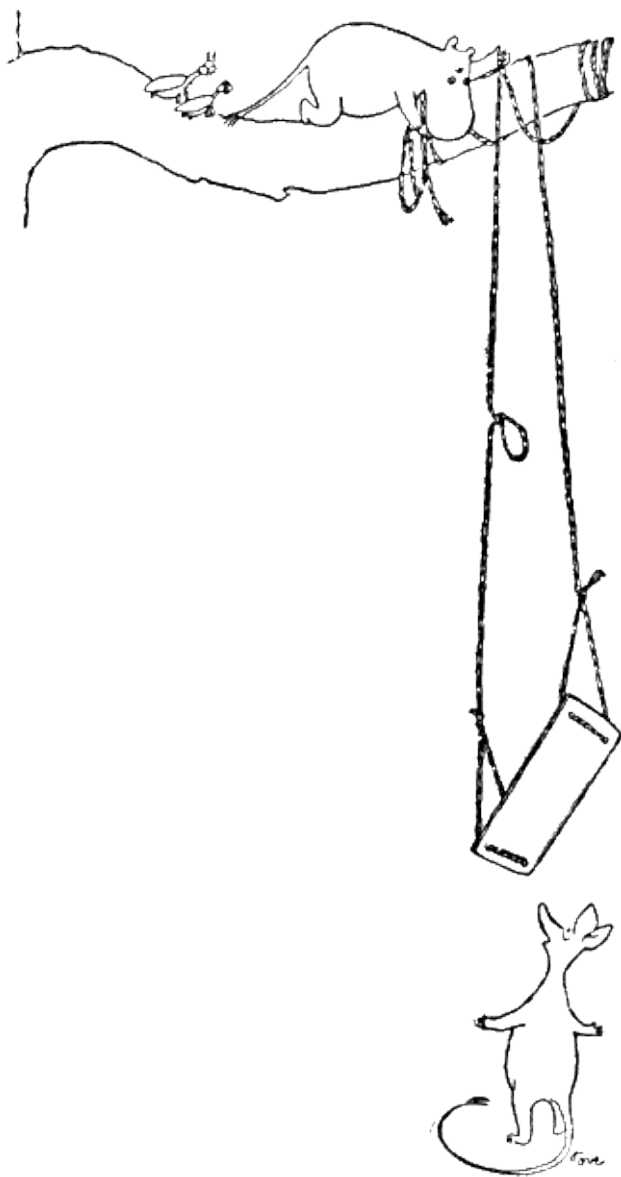
— Надо взять с собой провианту, — сказал Муми-тролль. — Кто знает, сколько мы пробудем в пути, может, очень долго.

Он подошёл к яблоне и стал шарить в траве под нею, ни утренний урожай паданцев был ещё невелик. Тогда он тихонечко потряс яблоню, и на него дождём посыпались жёлтые и красные яблоки.

— Провиант понесёшь ты! — сказал Снифф. — У меня другие обязанности, ведь я теперь проводник!

Он был очень взволнован, даже нос у него чуточку побелел.

Вверху на склоне горы они обернулись и посмотрели в долину. Дом Муми-тролля казался маленькой точкой, а река — узкой зелёной лентой. Качелей с такой высоты вовсе не было видно.

— Так далеко мы ещё ни разу не забирались, — торжественно произнёс Муми-тролль.

Снифф зашёл немножко в лес и принялся отыскивать свой путь. Он скрёб лапами землю, он принюхивался и тянул носом воздух, он определял положение солнца и направление ветра и вообще вёл себя, как заправский следопыт.

— Вот твоя метка, — сказал Муми-тролль и показал на завитушку на стволе сосны.

— Нет, вот эта! — закричал Снифф и показал на завитушку на стволе ели.

И тут оба разом увидели третью завитушку — на рябине, только эта завитушка была страшно высоко, чуть ли не на метр от земли.

— Да, пожалуй, что эта, — сказал Снифф и гордо выпрямился. — Вот не знал, что я такой высокий!

— Смотри-ка! — прошептал Муми-тролль. — Да тут повсюду секретные метки! А некоторые так даже на высоте сто метров, не меньше. Знаешь, что я думаю? Ты напал на путь, которым ходят привидения, и теперь они хотят сбить нас с толку. Как по-твоему?

Снифф не ответил, только усы его задрожали. И тут раздался смех привидений. Он раздался прямо над их головой и был очень противный. В ту же минуту сверху слетела большая синяя слива и чуть не угодила Муми-троллю в глаз. Снифф закричал дурным голосом, а Муми-тролль страшно рассердился и стал искать взглядом врага. И тут он увидел Мартышку.

Маленькая, чёрная и очень ловкая, с она сидела на ветке, сжавшись в комок. Мордочка у неё была круглая и намного светлее всего остального — совсем как у Сниффа, когда он второпях размочит грязь вокруг носа, — а смех в десять раз больше её самой.

— Прекрати этот глупый смех! — строго прикрикнул Муми-тролль, увидев, что противник меньше его. — Это наша долина! Можешь смеяться где-нибудь ещё!

— Безобразие или безрассудство, — пробормотал Снифф, устыдившись, что он так ужасно испугался.

— Ага, сдрейфил! — сказала Мартышка. Она свесилась на хвосте вниз головой, швырнула в них ещё несколько слив и бросилась в лес.

— Тикаёт! — завопил Снифф. — Жми за ней!

И они побежали прямо через заросли и кустарник. Шишки, цветы и листья вихрем проносились по сторонам, а всяческая мелюзга так и прыскала по норам у них из-под ног.

А Мартышка знай себе скакала с дерева на дерево. Вот уж целую неделю ей не приходилось так веселиться!

— Собственно говоря, мало чести гнаться за такой ничтожной маленькой обезьяной, — сказал Снифф, начиная уставать. — Давай притворимся, будто она вообще для нас не существует!

И они сели под деревом и сделали вид, будто задумались над чем-то очень важным.

А Мартышка с таким же важным видом уселась на ветку, не переставая потешаться.

— Не смотри на неё, — шепнул Муми-тролль. — А то ещё заважничает. — А вслух он сказал: — Здесь неплохое местечко!

— Похоже на дорогу, — сказал Снифф.

— Похоже на дорогу, — повторил Муми-тролль.

И вдруг оба как подскочут да как крикнут:

— Так ведь это и есть наш Таинственный путь!

Тут и вправду было очень таинственно. Над головой у них сплошным сводом переплетались ветви деревьев, а впереди виднелась дорожка, уходившая в узкий зелёный туннель.

— Побольше серьёзности и деловитости, — важно сказал Снифф, вдруг вспомнив, что он проводник. — Я буду искать боковые тропинки, а

ты стукни три раза, если заметишь что-нибудь опасное.

— Во что стукнуть? — спросил Муми-тролль.

— Во что угодно, — ответил Снифф. — Не задавай глупых вопросов. Кстати, где у тебя провиант? Так я и знал — ты его потерял. Обо всём приходится думать самому.

Муми-тролль недовольно наморщил нос, но промолчал.

Они потихоньку двинулись вперёд, в зелёный туннель. Снифф искал боковые тропинки. Муми-тролль высматривал опасности, а Мартышка скакала перед ними с ветки на ветку.

Путь извивался, делался всё уже и уже и наконец затерялся во мху, так что и не стало больше никакого пути.

— Неужто он тут кончается? — озадаченно проговорил Муми-тролль. — Должен же он куда-нибудь привести!

Они стояли на месте, разочарованно переглядываясь, как вдруг услышали за стеной деревьев слабый шум. В нос им пахнул влажный ветер, и запах у него был очень приятный.

— Там вода, — сказал Муми-тролль, принюхиваясь.

Он сделал шаг в ту сторону, откуда дул морской ветер, сделал другой и наконец побежал, потому что больше всего на свете Муми-тролли любят купаться!

— погоди! — закричал Снифф. — Не оставляй меня одного!

Но Муми-тролль остановился лишь тогда, когда добежал до самой воды. Он сел на песок и стал смотреть на волны. Одна за другой они накатывали на берег, и у каждой был гребень из белой пены.

Немного погодя с опушки примчался Снифф и уселся рядом.

— Тут холодно, — сказал он. — Помнишь, мы катались на парусной лодке с хатифнаттами и попали в ужасный шторм? Как плохо мне тогда было!

— То было в совсем другой истории, — сказал Муми-тролль. — А в этой я хочу купаться!

И он шагнул прямо в волны прибоя. (Муми-тролли, видите ли, так практично устроены, что почти совсем не нуждаются в одежде.)

Мартышка спустилась с дерева и следила за ними:

— Стой! — закричала она. — Вода мокрая и холодная!

— Ага! — сказал Снифф. — Мы начинаем производить впечатление.

— Ты умеешь нырять с открытыми глазами? — спросил Муми-тролль.

— Умею, но не люблю, — ответил Снифф. — Кто знает, что может встретиться под водой? Хочешь нырять — ныряй на свою голову!

— А, ерунда! — отмахнулся Муми-тролль и нырнул в большую волну,

всю высвеченную солнцем.

Сперва он не видел ничего, кроме зелёных пузырей света, но когда опустился поглубже, разглядел леса водорослей, колыхавшихся над песчаным дном. Песок был белый и чуточку волнистый, его украшали ракушки, розовые изнутри и белые снаружи. Чуть подалее от берега зеленоватый полумрак ещё больше сгущался, а ещё подалее открывался чёрный провал, уходящий прямо в бездну.

Муми-тролль повернулся, выскочил на волну и на её гребне возвратился обратно. Снифф и Мартышка сидели рядышком на песке и голосили:

— Спасите! Помогите!

— Мы уж думали, ты утонул, — сказал Снифф. — Или что тебя съела акула.

— А, ерунда! — сказал Муми-тролль. — Я в море как дома. Между прочим, под водой у меня явилась идея. Не знаю только, стоит ли посвящать в наши дела посторонних.

И он многозначительно взглянул на Мартышку.

— Вали отсюда, — сказал Снифф. — У нас секреты.

— А я люблю секреты! — крикнула Мартышка. — Обещаю, клянусь вам держать язык за зубами!

— Возьмём с неё клятву? — спросил Муми-тролль.

— Ладно, — сказал Снифф. — Только это должна быть очень страшная клятва!

— Повторяй за мной, — сказал Муми-тролль и медленно проговорил: — Пусть меня поглотит бездна, пусть грифы расклюют мои высохшие кости, пусть я никогда больше не попробую мороженого, если нарушу эту великую тайну!!! Ну?

Мартышка повторила клятву, только очень небрежно и совсем не в том порядке. У неё была очень плохая память.

— Ладно, сойдёт, — сказал Муми-тролль. — Теперь слушайте. Я задумал стать искателем жемчуга, и весь свой жемчуг я зарюю в ящике тут на берегу.

— А кем станем мы? — спросил Снифф.

— А вы можете стать теми, кто раздобывает ящики для искателей жемчуга, — ответил Муми-тролль.

— Так я и знал, — мрачно сказал Снифф. — Всегда мне достаётся самое трудное, А всё приятное достаётся тебе.

— Но ведь ты только что был проводником, да и нырять ты разве умеешь! — беспечно ответил Муми-тролль и снова шагнул в воду.

Снифф постоял-постоял, похлопал ушами и побрёл вдоль берега у самой воды. Мартышка ловила крабов — маленьких жёлтых крабов с глазами на стебельках.

— Слушай! Ты должна найти ящик! — сказал Снифф.

— Какой ящик? Чей? — спросила Мартышка. Она уже совсем забыла про секрет. Снифф вздохнул и пошёл к длинному мысу, выступавшему далеко в море. Одна за другой возвышались здесь крутобокие скалы, скользкие, чёрные и неприветливые. Местами они спускались прямо в

море, так что оставался лишь узкий мокрый каменный уступ, пройти по которому мог разве что канатоходец. Снифф остановился и испуганно прижал уши.

— Трусись? — спросила Мартышка.

— Кто? Я? Вот ещё! — ответил Снифф. — Мне только кажется, что вид будет красивее, если зайти с другой стороны.

Мартышка презрительно фыркнула и, задрвав хвост, проскочила мимо, Снифф только и увидел, как её гордо поднятый хвост промелькнул среди пенистых бурунов и исчез за выступом скалы. Тотчас вслед за тем Снифф услышал радостный вопль.

— Грот! Мировецкий грот с крабами!

Снифф не двинулся с места и только жалобно заскулил. Всю жизнь он мечтал о взаправдашнем гроте. И вот грот совсем рядом, там, за этими опасными скользкими скалами...

Он сделал несколько шагов, и сердце застучало у него в груди. «Покровитель всех троллей и сниффов! — взмолился он. — Будь милостив, будь милостив, ведь я такой маленький, такой робкий!» Затем он зажмурился и ступил на опасный уступ. Несколько раз через него

перелетали клочья пены. Он шёл маленькими-премаленькими шажками, не сгибая ног, и всё время крепко зажмуривал глаза, чтобы не видеть пляшущих вокруг волн.

Ещё ни разу в жизни он так не боялся — и не чувствовал себя таким храбрым.

Когда он перешёл на ту сторону, Мартышки нигде не было видно. С замирающим сердцем Снифф заглянул в грот.

Грот был большой, как раз такой, каким и полагается быть гроту. Его красивые ровные каменные стены уходили в вышину к синему окну неба, а пол был устлан песком, таким же белым и гладким, как на морском дне.

Снифф зарыл лапы в песок и вздохнул от счастья. «Поселиться бы здесь на всю жизнь, — подумал он. — Поставить маленькие полки, выкопать в песке место для спанья, а по вечерам зажигать свечу. И ещё, может, сделать верёвочную лестницу, чтобы забираться на крышу и любоваться морем. То-то удивится Муми-тролль...»

Возвращаясь обратно по опасной скале, он уже не боялся так сильно. «Мой грот, — не переставая думал он. — Мой грот, это я нашёл его». (И он взаправду верил, что нашёл его он.)

В глубокой задумчивости брёл он по берегу, пока не вернулся к тому месту, где оставил Муми-тролля искать жемчуг. Там уже лежал целый ряд красивых блестящих жемчужин, а сам Муми-тролль пробкой скакал в волнах прибоя.

Мартышка с важным видом сидела на берегу.

— У меня важное поручение, — сказала она. — Теперь я казначей. Я уже пять раз пересчитывала жемчужины и каждый раз получала новый результат.

Тут Муми-тролль выбрался на берег. Он нёс в охапке кучу ракушек, не считая тех, что были у него на хвосте.

— Ну, теперь хватит! — сказал он, стряхивая с глаз водоросли. — Где ящик?

— Похоже, на здешнем берегу нет приличных ящичков, — ответил Снифф. — Зато я сделал открытие! У-ди-ви-тельное открытие!

— Какое? — осведомился Муми-тролль.

Он любил открытия не меньше, чем таинственные пути, купанье и всяческие секреты.

Снифф, как артист, выдержал паузу и медленно произнёс:

— Грот.

— Настоящий грот? — вскрикнул Муми-тролль. — Со входом, через который можно попасть внутрь? С каменными стенами и с песчаным

полом?

— Со всем, всем, всем! — гордо ответил Снифф. — Настоящий грот, и нашёл его я! Совершенно самостоятельно.

— Так ведь это же куда лучше, чем ящик! — воскликнул Муми-тролль. — Сейчас же отнесём туда жемчужины!

— Совсем моя идея! — сказал Снифф. — Как раз об этом я всё время и думал.

Они отнесли жемчужины в грот и красиво уложили их рядом на песке.

Время от времени в дверь залетали солёные брызги, а сквозь окно в потолке наводило свои золотые мосты солнце. Друзья лежали на спине на мягком песочке и смотрели в небо.

— А знаешь, — сказал Муми-тролль, — если подняться в воздух на много-много сот километров, небо там уже не голубое. Там, вверху, оно совсем чёрное, Даже днём.

— Почему? — спросил Снифф.

— Так уж, — ответил Муми-тролль. — А ещё там в темноте бродят небесные чудища — Скорпионы, Медведицы, Овны.

— А они опасные? — спросил Снифф.

— Не для нас, — ответил Муми-тролль. — Но бывает, они цапают с неба звёзды.

Они замолкли и лежали тихо, глядя, как полосы солнечного света ползут, подбираются по песку к жемчужинам Муми-тролля.

Когда Муми-тролль и Снифф вернулись к голубому домику в долине, день близился к вечеру. Речка текла тихо-тихо, а над нею всеми цветами радуги сиял новенький свежавыкрашенный мост.

Муми-мама обкладывала ракушками цветочные клумбы.

— Мы уже пообедали, — сказала она. — Пошарьте в кладовке: что найдёте, то и поешьте.

— А мы ходили, наверное, за целых сто миль, — объявил Муми-тролль. — По Таинственному пути, а потом я прыгнул в вот такую волну и стал искать такие мировые штуковины, которые начинаются на «ж» и кончаются на «г»... Но как это по-настоящему называется — сказать не могу, дал клятву!

— А я нашёл что-то такое, что начинается на «г» и кончается на «т»! — сказал Снифф. — А в середине ещё «р» и «о», ну, а остальное секрет!

— Замечательно! — сказала Муми-мама. — Столько важных событий

за один день! Суп в духовке. Только не очень шумите — папа работает.

И она вновь принялась укладывать ракушки — сперва синяя, потом две белые, потом красная, и так снова и снова, и получалось очень красиво. При этом Муми-мама тихонько насвистывала что-то про себя и думала о том, что, похоже, скоро соберётся дождь.

Ветер беспокойно тормозил деревья, и они вздыхали, раскачивались и показывали изнанку своих листьев. По небу плыло множество серых растрёпанных облаков.

«Только бы без наводнения обошлось», — думала Муми-мама. Она собрала оставшиеся ракушки и вошла в дом в ту самую минуту, когда с неба упали первые капли дождя.

Снифф и Муми-тролль заснули на ковре в гостиной. Она прикрыла их одеялом и села у окна чинить папин ночной халат.

Дождь тихо барабанил по крыше, шуршал в саду, шумел по лесу и затекал в грот Сниффа на далёком морском берегу.

Где-то в лесу Мартышка запряталась поглубже в дупло и укутала шею хвостом, чтобы согреться.

Поздно ночью, когда все давно спали, Муми-папа вдруг услышал жалобный писк. Он встал и прислушался.

В водосточных трубах бурлил дождь, хлопал на ветру ставень. Жалобный писк раздался вновь. Муми-папа надел халат и пошёл осматривать дом.

Он заглянул в небесно-голубую комнату, потом в солнечно-золотую, потом в крапчатую, но везде было тихо. Тогда он отодвинул тяжёлый засов и выглянул во двор.

Свет от его фонаря упал на дорожку, и в нём, как алмазы, засверкали капли дождя.

— Господи боже, кто это? — вскрикнул папа-троль, увидев перед крыльцом какое-то жалкое мокрое существо с блестящими чёрными глазами.

— Это я, Ондатр, — слабым голосом сообщило жалкое существо. — Извините, что побеспокоил вас по пустякам... Дело, видите ли, в том, что при постройке моста вы разрушили мой дом под берегом речки. Разумеется, с философской точки зрения совершенно безразлично, жив ты или нет... Только кто знает, что со мной станет после такой простуды...

— Какая жалость! — сказал Муми-папа. — Я и не подозревал, что вы проживаете под мостом. Заходите, ради бога. Жена наверняка сможет

устроить вам где-нибудь постель.

— Постели меня не волнуют — это ненужные предметы обстановки, — смиренно заметил Ондатр. — Я жил в простой норе и чувствовал себя в ней прекрасно. Конечно, с философской точки зрения безразлично, как ты себя чувствуешь, но, вообще-то говоря, это была хорошая нора.

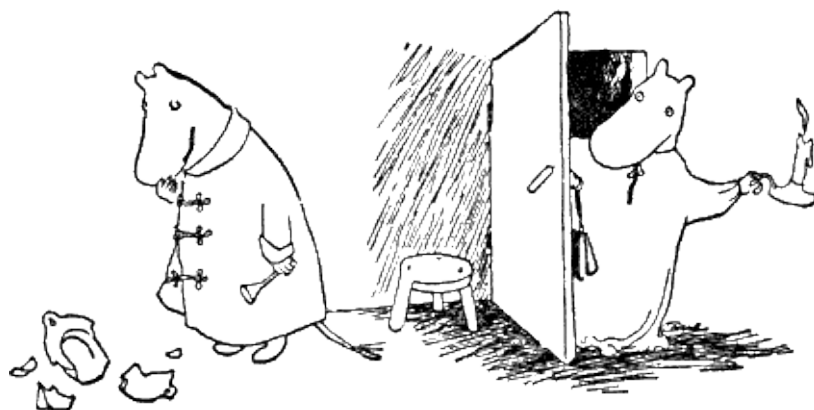
Ондатр стряхнул с себя воду и прислушался.

— Что это за дом? — спросил он.

— Самый обыкновенный дом, — вежливо ответил Муми-папа. — Я сам построил его. Смею ли предложить вам рюмку вина? От простуды.

— Собственно говоря, это не обязательно, — сказал Ондатр. — Но, пожалуй.

Муми-папа на цыпочках пробрался в кухню и открыл в темноте шкафчик с вином. Он потянулся за бутылкой пальмового вина, стоявшей на верхней полке, потянулся ещё и ещё и вдруг — раз! — смахнул на пол салатницу. Раздался страшный дребезг.

Дом ожил: послышались крики, хлопанье дверей, и в кухне появилась Муми-мама со свечой в лапе.

— А, это ты, — сказала она. — А я уж думала, к нам вломились разбойники.

— Я хотел достать пальмовое вино, — сказал Муми-папа. — Какой осёл поставил эту проклятую салатницу на самый край?

— Ну и хорошо, что она разбилась, она была ужасно некрасивая, — сказала Муми-мама. — Стань на стул, так будет удобней.

Муми-папа забрался на стул и достал бутылку и три рюмки.

— А третья для кого? — удивилась Муми-мама.

— Для Ондатра, — ответил папа. — Он остался без квартиры и переселяется к нам.

На веранде зажгли керосиновую лампу, и все выпили за знакомство. Муми-троллю и Сниффу тоже разрешили присутствовать, несмотря на поздний ночной час.

Дождь не переставая барабанил по крыше, ветер разбушевался ещё пуще. Он выл в дымовой трубе, и дверцы печки испуганно звенькали.

Ондатр уткнулся носом в оконное стекло и мрачно глядел во тьму.

— Это неестественный дождь, — сказал он.

— А разве такие бывают? — удивилась Муми-мама.

Ондатр помолчал немного, грустно обмакнул усы в вино и сказал:

— Почём знать... В воздухе что-то есть — какие-то предвестья... Мнесто, разумеется, всё равно, произойдёт что-нибудь или не произойдёт, но совершенно несомненно — что-то должно произойти.

— Что-нибудь страшное? — вздрогнув, спросил Снифф.

— Почём знать, — повторил Ондатр. — Вселенная так велика, а Земля так ничтожно мала и убога...

— Мне кажется, всем нам лучше лечь спать, — поспешно проговорила Муми-мама, заметив, что Снифф весь дрожит.

Каждый свернулся на свой лад, как привык спать, и стал ждать сна и тепла.

А тучи до самого утра мчались по небу, ветер хлестал мокрый сад, и

ДОЖДЬ ЛИЛ, ЛИЛ И ЛИЛ...

Глава вторая

На другой день было пасмурно. Ондатр пошёл в сад и лёг в гамак размышлять. Муми-папа сидел в небесно-голубой комнате и писал мемуары.

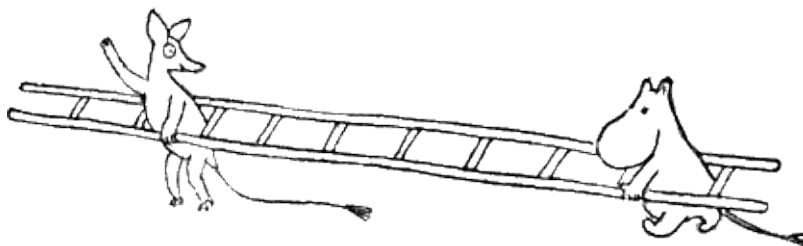
Муми-тролль без дела слонялся возле кухни.

— Ма, — сказал он, — как по-твоему, дядя Ондатр всерьёз про эти самые предвестья?

— Вероятно, — ответила мать. — Чего не придёт и голову, когда дом разрушен, а сам немного простыл. Только ты не думай об этом. Что, если вы со Сниффом обтрясете вон те груши, пока дождь не припустил вновь?

— Идёт, — ответил Муми-тролль.

Но задумчивость не оставляла его, и он решил хорошенько порасспросить обо всём Ондатра.

Когда Муми-тролль и Снифф подошли к груше, они увидели на её макушке Мартышку. Она помахала им лапой.

— Привет, привет! — закричала она. — Вот ведь скверная погода сегодня, ни одной сухой ветки в лесу! Айда за крабами?

— Нам некогда, — ответил Муми-тролль. — Надо натрясти груш, мама хочет варить варенье. А ещё нам надо подумать о важных делах.

— Расскажите, — попросила Мартышка.

— Скоро что-то должно произойти — вот всё, что я могу сказать, — ответил Муми-тролль. — Что-то необычное и сверхъестественное, но что — этого ещё никто не знает... Видишь ли, в воздухе что-то есть — какие-то предвестья!

— Да говори толком, чтобы можно было понять, — сказала Мартышка.

— Тебе что-нибудь известно?.. — с дрожью в голосе спросил Снифф. Но Муми-тролль лишь покачал головой и приставил стремянку к груше.

— Подождите, — сказал он. — Не сейчас.

Груши были заграничной породы, и обрывать их было сущее наслаждение. Их можно было швырять вниз как попало, ударяясь о землю, они подлетали вверх, как резиновые мячи. Жёлтые плоды чертили в воздухе яркие дуги, подпрыгивали, подскакивали и блестящим ковром укладывались вокруг дерева.

— Варенья на весь год! — прогорланил Муми-тролль. — А теперь устроим сплав по реке!

Мартышка сразу принялась сбрасывать груши под горку. Одна за

одной они скатывались к реке, с плеском падали в воду и, кружась в водоворотах, уплывали вниз по течению. Снифф носился по берегу с длинной веткой и подталкивал те, что застревали между камнями.

А внизу у моста стоял Муми-тролль и вылавливал груши сачком.

Вскоре на берегу набралась огромная куча груш.

— Обедать, малыши! — крикнула сверху Муми-мама. — Идите поешьте!

Она грациозно лавировала между кустами жасмина, время от времени ударяя в маленький гонг с тремя нотами.

— Ну, что скажешь? — гордо спросил Муми-тролль.

Муми-мама взглянула на кучу груш.

— Ого! — воскликнула она. — Какие молодцы!

— А мы вот что надумали, — сказал Муми-тролль. — Можно нам взять еду с собой в наше секретное местечко и поесть там?

— Да, и побольше, чтобы и Мартышке хватило, — сказал Снифф. — И лимонаду тоже.

— Ну разумеется, — ответила Муми-мама.

И она положила в корзину много-много загадочных свёртков, а сверху на всякий случай зонтик.

Когда они пришли к гроту, было тихо и пасмурно. Почти всю дорогу Муми-тролль молчал. Он беспокоился за свои жемчужины. И как только они заглянули в грот, он воскликнул:

— Тут кто-то был!

— В моём гроте! — подхватил Снифф. — Безобразие или безрассудство!

В гроте и вправду кто-то побывал. Кто-то уложил жемчужины в виде звезды. Звезды с длинным хвостом.

— Странное дело, — сказал Муми-тролль.

— Пересчитать их, пересчитать немедленно! — сказал Снифф.

Мартышка пересчитала их четыре раза и ещё раз, на всякий случай, и каждый раз получала новый результат.

— А сколько их было тогда? — спросил Снифф.

— Не помню, — ответила Мартышка. — Но и тогда их получалось по-разному.

— Ну, раз так... — проговорил Муми-тролль и, выкопав в песке яму, спрятал в неё жемчужины.

Затем он открыл мамину корзину и разделил оладьи, варенье, бутерброды, бифштексы и лимонад на три совершенно равные части. Ели они молча. Когда всё было съедено, Муми-тролль сказал:

— Я вот ел и думал, и теперь кое-что стало мне ясно, Эта звезда с хвостом, должно быть, означает предупреждение или угрозу. От какого-нибудь Тайного общества, которое по какой-нибудь тайной причине затаило на нас зло.

— Уж нет ли их тут где-нибудь поблизости? — боязливо спросил Снифф. — На меня-то они наверняка не держат зла?

— Именно что на тебя, — ответил Муми-тролль. — Это даже очень может быть. Что, если это их грот? Ведь нашёл-то его ты?

Снифф весь побледнел и сказал:

— Мне кажется, нам пора домой.

Когда они вышли из грота, вокруг было тихо-тихо. Небо было серое, и море было серое. У самого берега плавало много-много морских птиц, их головы были обращены в сторону открытого моря, а сами они все вместе изображали огромную звезду. Чудовищно огромную звезду с хвостом...

— Глянь-ка! — воскликнула Мартышка. — Тайное общество..

Снифф пронзительно вскрикнул и помчался по скалам, даже не подумав, как это опасно. Спустившись на песок, он сразу взял курс на долину Муми. Он спотыкался о корни и кочки, путался в зарослях, пахал носом землю, а раз даже бултыхнулся в ручей. Очертя голову выскочил он в долину и стрелой подлетел к дому.

— Что случилось? — спросила Муми-мама, которая варила в саду варенье.

Снифф прижался к ней и зарылся носом в её передник.

— За мной гонятся... Тайное общество... — пролепетал он. — Они схватят меня, и тогда...

— Пока я с тобой, этого не будет, — сказала Мумии-мама. — На́ вот, вылижи блюдецко с вареньем.

— Не могу... — прохныкал Снифф. — Не сейчас. А может, и никогда больше не смогу! — Но немного погодя он сказал: — Ну ладно, разве что с

краешков. Пока ждать будем.

Когда подросел Муми-тролль, самый большой мамин кувшин был уже полон варенья, а Снифф вылизывал доньшко блюдечка.

— Ну что? Видел их? — спросил Снифф, боязливо выглядывая из-за блюдечка.

— Нет, нет, — успокоил его Муми-тролль. — Ну, пока. Мне надо поговорить с дядей Ондатром.

Ондатр по-прежнему лежал в гамаке.

— Привет, дядя Ондатр, — сказал Муми-тролль.

— Не мешай мне, я работаю! — ответил Ондатр.

— Работаете?.. Над чем? — удивился Муми-тролль.

— Я думаю, — сердито проворчал Ондатр — Думаю о тцете и напрасности всего сущего.

— А мне кажется, напрасного на свете так мало, — робко возразил Муми-тролль. — Вот разве что умываться, да кашу есть, да...

Ондатр вздохнул и сбросил с себя одеяло. Он поглядел на небо, поглядел на пальцы ног и пожал плечами — всё это должно было означать, что целый день работы пошёл насмарку.

— Ну, что тебе? — буркнул он наконец.

Муми-тролль покраснел и поспешно заговорил:

— Таинственные знаки! Кто-то ходит и повсюду выкладывает знаки, не то угрозы, не то предупреждения, не то ещё что... Вот взять хотя бы мамины груши для варенья — они разложились в виде большой-пребольшой...

— ...звезды с хвостом, — договорил за него Ондатр и мрачно кивнул.

— Верно, — продолжал Муми-тролль. — Ну, мне и пришло в голову: а что, если это какое-то Тайное общество угрожает местию маленькому

Сниффу?

— Мало ли чего приходит в голову всяким троллям и сниффам, — ответил Ондатр. — У них слишком пылкое воображение, они слишком чувствительны и невесть чем забивают себе головы. Они никогда не думают. И поэтому они ошибаются.

— Ах, как чудесно вы говорите! — сказал Муми-тролль.

— Ты так думаешь? — угрюмо спросил Ондатр. — Ну-ну. Валяй думай, что это чудесно, пока вообще способен о чем-нибудь думать!

— Ну, дяденька, миленький, скажите же, что всё это значит, — жалобно попросил Муми-тролль.

Ондатр долго глядел на него, сморщив нос, и вдруг сказал:

— Хвостатая звезда — это не что иное, как комета. Пылающая комета с огненным хвостом, которая несётся в чёрной пустоте мирового пространства!

— Прямо на нас? — шёпотом спросил Муми-тролль, и его глаза потемнели от страха.

— Понятия не имею, — ответил Ондатр и снова улёгся в гамак. — Быть может, мы все превратимся в отбивные, быть может, нет. В конце концов, это несущественно, поскольку всё тлен и суета. А теперь я хочу поспать. Беги играй, малыш. Играй, пока играетя!

Муми-тролль поглядел на небо. Оно было серое, спокойное, будничное. Но теперь-то он знает... Да, теперь он знает, что где-то там, за облаками, несётся зловредная комета, она всё ближе и ближе к долине Муми. Ему мерещился её длинный красный хвост, с шипением проносящийся между испуганными звёздами, чудился запах горелой ткани. (Муми-тролль считал, что небо обтянуто голубым бархатом.)

— Дяденька, — сказал он. — Дяденька.

— Ну, что ещё? — отозвался Ондатр из-под одеяла.

— Простите, пожалуйста, а когда она появится? — спросил Муми-тролль.

— Спроси у профессоров, — без всякого интереса ответил Ондатр. — У профессоров Обсерватории в Одиноких Горах. А теперь я сплю!

И Муми-тролль медленно побрёл восвояси.

— Ну что он сказал? — спросил Снифф, который ожидал его за углом веранды, — Существует Тайное общество?

— Нет, — сказал Муми-тролль.

— И никаких небесных чудищ тоже нет? — боязливо осведомился Снифф. — Ни Скорпионов, ни Медведиц?

— Нет, нет, — сказал Муми-тролль. — Беги играй, малыш. Играй,

пока играет!

— Но почему у тебя такой озабоченный вид? — воскликнул Снифф.

— Я думаю, — ответил Муми-тролль. — Я думаю, что нам надо снарядить новую исследовательскую экспедицию, самую долгую из всех, в каких мы бывали. Я думаю, что нам надо найти Обсерваторию в Одиноких Горах и взглянуть на звёзды в самый большой в мире телескоп. И ещё я думаю, чем скорее мы выйдем в путь, тем лучше.

Глава третья

Наутро, ещё как следует не проснувшись, Муми-тролль почувствовал, что сегодня должно произойти что-то необычное, и день будет совсем не такой, как вчера.

Он сел в кровати, зевнул — и вспомнил.

Комета! Ведь сегодня они со Сниффом отправляются в большое путешествие.

Он подбежал к окну и посмотрел погоду. Было пасмурно, облака низко висели над склонами гор и ни один листочек не шевелился в саду.

Теперь ему уже не было страшно. Но он так волновался, что даже не смог допить утренний кофе.

«Нужно разведать, когда появится комета, — думал он. — Вдруг её можно как-нибудь задержать... А Сниффу лучше всего ничего не говорить. А то он так перетрусит, что от него не будет никакого толку...»

— Вставай, малыш! — крикнул он. — В путь пора!

Муми-мама поднялась ни свет ни заря, чтобы уложить им рюкзаки. Она сновала по дому то с шерстяными брюками, то с бутербродами, а Муми-папа снаряжал плот внизу у реки.

— Мамочка, миленькая, мы никак не сможем взять всё это с собой, — сказал Муми-тролль. — Нас засмеют.

— В Одиноких Горах холодно, — сказала Муми-мама, запихивая в рюкзак два шерстяных одеяла, зонтик и сковородку. — Ты не забыл компас?

— Не забыл, — отвечал Муми-тролль. — А ты не могла бы выкинуть хотя бы тарелки? Мы будем есть с листа.

— Как угодно, голубчик, — сказала Муми-мама и вынула тарелки. — Теперь, кажется, всё в порядке.

Она проводила их до моста.

Ондатр предупредил, — чтобы ему ни при каких обстоятельствах не мешали размышлять о тщете всего сущего. (Вдобавок он был обижен на Сниффа за то, что тот накануне вечером сунул в его постель щётку.) Зато Мартышка тоже спустилась к мосту попрощаться с ними. Плот с поднятым парусом уже стоял у берега.

— Не забывайте правильно обходить вехи, — сказал Муми-папа. — Мне бы так хотелось отправиться вместе с вами... — с тоской добавил он, вспоминая те отчаянные путешествия, которые он совершал в дни своей юности вместе с хатифнаттами. Они по очереди обнялись на прощание, чалка была взята на борт, и плот медленно тронулся вниз по реке.

— Не забудьте передать привет моим двоюродным братьям — домовым! — крикнула Муми-мама. — Тем косматым, знаете, что с круглой головой! А похолодает — надевайте шерстяные брюки. Порошки от желудка лежат в левых карманах!

Но плот уже исчез за первым поворотом, и перед путниками открылась река, маня в неизвестное своим пустынным простором.

Близился вечер. Их красный парус обвис, река лежала серебристо-серая в тёмных берегах. Ни птицы не пели, ни рыбы не плескались в воде.

— Ни одного приключения за весь день, — сказал Снифф, которому Муми-тролль давал немножко подержаться за руль, когда река бежала не очень быстро. — Только серые, однообразные берега, и ни одного приключения.

— А по-моему, очень даже интересно плыть по такой вот извилистой реке, — возразил Муми-тролль. — Никогда нельзя знать наперёд, что будет за следующим поворотом. Знаешь, ты какой? Ты гонишься за сильными ощущениями, а когда они на носу, пасуешь и прячешься в кусты.

— Я не лев, — обиделся Снифф. — Я хочу маленьких приключений. Чтобы как раз по росту.

В эту минуту плот тихо обогнул поворот.

— Вот тебе приключение по росту, — сказал Муми-тролль, широко раскрывая глаза.

Прямо на их пути лежала песчаная отмель, на ней было полно каких-то здоровенных серых колод. И колоды эти располагались в виде звезды — хвостатой звезды, знамения кометы.

— Опять она! — воскликнул Снифф.

Но тут колоды задвигались, выпустили ноги и с молниеносной

быстротой посыпались в воду.

— Крокодилы! — крикнул Муми-тролль и бросился к рулю. — Не дай бог, голодные...

Над водой засверкали бледно зелёные глаза чудовищ, вот они покрыли собой всю реку... Крокодилы со всех сторон окружили плот, вот уж река почернела от их тел, но всё новые тени бросались в воду с берегов.

Снифф сидел, окаменев от страха, и не сводил с крокодилов глаз. Но когда один из них высунул морду у самой кормы, он потерял самообладание и хватил чудовище веслом по голове.

Что тут поднялось! Буйно захлестали по воде бесчисленные хвосты, широко разверзлись здоровенные пасти с двумя рядами острых, как иглы, зубов. Плот закачался... Муми-тролль и Снифф вцепились в мачту и громко закричали: «Караул!»

В это мгновение с берега потянул ветерок, плот вынесло на стрежень, и он быстро поплыл вниз по течению. Распахнув пасти, крокодилы устремились за ним. Снифф закрыл лицо лапами, а Муми-тролль, едва соображая от страха, что делает, схватил свёрток с брюками и запустил им в преследователей.

Крокодилы моментально набросились на добычу и разорвали её на

тысячу клочков. Они так яростно дрались между собой, что и не заметили, как плот ускользнул, а когда шерстяные брюки были съедены, Муми-тролль и Снифф были уже так далеко, что догнать их не имело смысла.

— Честь и хвала брюкам, — сказал Муми-тролль. — Ну как, доволен ты этим маленьким приключением?

— Ты тоже кричал «Караул», — отпарировал Снифф.

— Разве? — спросил Муми-тролль. — А я и не заметил... Во всяком случае, мама была права: брюки действительногодились.

Над рекой уже клубилась вечерняя мгла, и они направили плот к берегу. Там между корнями деревьев они нашли уютное местечко и разожгли костёр. Они пекли блины и с пылу с жару отправляли их в рот. (Это единственно разумный способ есть блины.) Затем они забрались в спальные мешки, и ночь опустилась над ними.

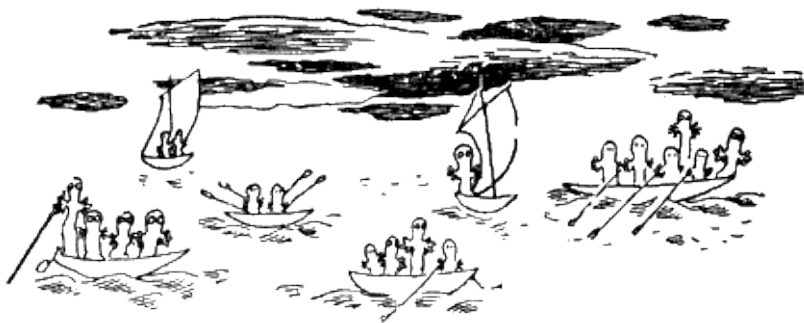
Глава четвёртая

Один серый день сменялся другим, но дождя не было. Мрачные тучи величественно плыли по небу одна за другой. А под ними лежала земля и ждала...

Муми-тролль и Снифф плыли всё дальше и дальше на восток. Не привыкшие жить без солнца, они стали печальными и молчаливыми.

Иногда они играли в карты или ловили рыбу, но больше просто сидели и смотрели на проплывающие мимо берега.

Время от времени Муми-тролль поглядывал на небо и гадал: «Интересно, будет ли видна комета, если тучи разойдутся?» Но тучи не расходились. А ещё его так и подмывало рассказать Сниффу о чуде, ради которого они двинулись в путь, но он сдерживал себя. Ведь Снифф до смерти испугается!

Им трижды встречались хатифнатты, крохотные существа, которые в тоске и тревоге вечно странствуют по свету, нигде не находя себе места. Оки проплывали мимо Муми-тролля и Сниффа в своих маленьких лёгких лодках или перебирались вброд через реку.

Но с хатифнаттами нельзя было даже обменяться приветствием. Они ничего не слышали, никогда не разговаривали, их бесцветные глаза были всегда устремлены куда-то вдаль. А сейчас они были ещё беспокойнее и передвигались целыми толпами, маленькие, белые, безликие.

Местность понемногу изменялась. Лиственные деревья и луга исчезли. На пустынных песчаных берегах одиноко стояли какие-то мрачные деревья с толстыми ветвями, а далеко вдали головокружительными кручами уходили в небо жёлто-серые горы.

— Тоскливо мне что-то, — сказал Муми-тролль. — Когда же будет конец этой реке?

— Может, перекинемся в картишки? — предложил Снифф.

Муми-тролль покачал головой.

— Неохота.

— Тогда я тебе погадаю, — сказал Снифф. — Разложу тебе пасьянс звездой, заглянем в будущее.

— Спасибо, — с горечью ответил Муми-тролль. — Хватит с меня звёзд. Хвостатых и бесхвостых. А от будущего ничего хорошего не жду.

Снифф вздохнул, прополз на нос и сел, подперев лапами голову.

После этого они долго хранили молчание.

Но вот Снифф вдруг заметил на берегу какой-то странный предмет, напоминавший голову светло-жёлтого сахара. Наверное, уже целую неделю он не видел ничего такого яркого. На макушке предмета развевалось что-то вроде флага.

Подплыв поближе, они услышали весёлую музыку, которая лилась изнутри сахарной головы.

Муми-тролль и Снифф лежали на животе, смотрели и слушали, а плот плыл себе по воле ветра и волн.

И вдруг они разом воскликнули:

— Да ведь это палатка!

Тут музыка смолкла, и из палатки вышел Снусмумрик с губной

гармошкой в лапах. На нём была старая зелёная шляпа с пером, а изо рта торчала длинная трубка.

— Давай сюда! — сказал он.

Муми-тролль переложил руль. Плот направился к суше и пристал к берегу.

— Привет! — сказал Снусмумрик. — Очень рад вас видеть. У вас, случайно, нет на борту кофе?

— Целая банка! — с жаром ответил Снифф. — И сахар есть.

— Ты так и живёшь один в этой глуши? — спросил Муми-тролль.

— Живу понемножку где придётся, — ответил Снусмумрик, заваривая кофе. — Сегодня здесь, завтра там. Брожу себе и брожу, а набреду на весёлое местечко — ставлю палатку и играю на губной гармошке.

— Вот уж весёлое местечко! — удивлённо заметил Снифф, оглядываясь.

— Здесь красиво, — сказал Снусмумрик. — Взгляните вон на то чёрное бархатное дерево с серебристо-серыми тонами на заднем фоне! Или на горы вдаль — как они наливаются пурпурным багрянцем! А иной раз в реке отражается большой синий буйвол.

— А ты, случаем, не того... не пишешь стихи? — смутившись, поправился Снифф.

— Занимаюсь всем понемножку, — беззлобно ответил Снусмумрик. — Когда чем придётся. А вы, как я вижу, путешественники, первооткрыватели. Что же вы намерены открывать?

Муми-тролль кашлянул и сделался ужасно важным.

— Всё, что угодно, — сказал он. — Звёзды, например.

Снусмумрик оживился.

— Звёзды! — воскликнул он. — Тогда вы непременно должны взять меня с собой! Ничего так не люблю, как звёзды. Перед сном я всегда смотрю на звёзды и гадаю, кто там живёт и как до них добраться. Небо кажется таким дружелюбным, когда в нём полно маленьких глазок.

— Звезда, которую мы ищем, не очень-то дружелюбная, — сказал Муми-тролль — Скорее даже наоборот.

— Что такое?! — вскричал Снифф.

Муми-тролль покраснел.

— Я... это самое... Ну, я имел в виду звёзды вообще, — сказал он. — Большие и маленькие, дружелюбные и враждебные, ну и прочие...

— А что, бывают и враждебные? — спросил Снусмумрик.

— Да. Те, что с хвостом, — сказал Муми-тролль.

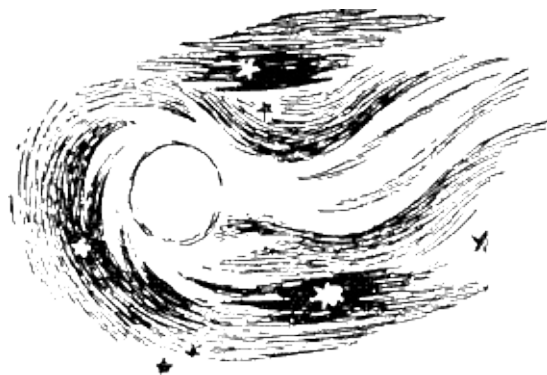
Снифф так и засверкал глазами.

— Ты что-то от меня скрываешь! — сказал он обличительным тоном. — Мы повсюду видели хвостатые звёзды, а ты знай себе твердишь, что это ничего не значит!

— Ты ещё слишком маленький, чтобы всё знать, — оправдывался Муми-тролль.

— Это я-то? Я-то? — наскокивал Снифф. — А по-твоему, справедливо взять меня в экспедицию и не сказать, что мы будем открывать?

— Не волнуйтесь, дорогой мой, — сказал Снусмумрик. — А ты, Муми-тролль, сядь и расскажи, в чём дело.

Муми-тролль налил себе чашку кофе, сел и рассказал о своём разговоре с Ондатром.

— А потом я спросил у папы, опасны ли кометы, — продолжал он. — А папа сказал, что опасны, потому что они как сумасшедшие мечутся по Вселенной и тащат за собой огненный хвост. У всех других звёзд есть постоянные орбиты, и они ходят по ним, как поезда по рельсам, а кометы рыскают повсюду и выскакивают то тут, то там, где их меньше всего ждут.

— Совсем как я, — ухмыльнулся Снусмумрик. — Своего рода небесные бродяги.

Муми-тролль с неодобрением взглянул на него.

— Не так уж это смешно, — сказал он. — Если комета врежется в Землю, произойдёт страшная катастрофа.

— А что будет? — шёпотом спросил Снифф.

— Всё разлетится вдребезги, — мрачно произнёс Муми-тролль.

Наступило долгое молчание. Затем Снусмумрик медленно произнёс:

— Какая жалость, если Земля расколется! Она такая хорошая.

— А что будет? — шёпотом спросил Снифф.

Зато Муми-тролль, поделившись секретом с другими, прямо-таки воспрял духом. Он приосанился и сказал:

— Так вот, теперь мы хотим разыскать Обсерваторию в Одиноких Горах. Там самый большой в мире телескоп, и в него мы как следует разглядим, летит комета на нас или нет.

— Хорошо, — сказал Снусмумрик. — А на мачте мы можем водрузить мой флаг. Он вам нравится?

Они взглянули на флаг.

— Синий цвет сверху означает небо, — начал объяснять Снусмумрик, — а синий снизу — море. Черта посередине означает путь. Точка слева означает настоящее, а точка справа — будущее.

— Вместительнее флага и не придумаешь, — сказал Муми-тролль. — Да, он нам нравится.

— Но там нет меня! — возразил Снифф.

— Точка слева — это можем быть и мы, если смотреть на нас с большой высоты, — сказал Снусмумрик. — Как насчёт того, чтобы немножко пройтись, пока ещё светло?

— Куда? — спросил Снифф.

— Да куда угодно, — ответил Снусмумрик, пожимая плечами, — Но раз уж тебе непременно нужна цель, можно пойти посмотреть ущелье с гранатами.

— С гранатами? — переспросил Снифф. — Настоящими?

— А я откуда знаю, — ответил Снусмумрик. — Они красивые — вот всё, что я могу сказать.

И они направились в глубь пустынного края, осторожно ступая между обломками скал и колючими растениями.

— Как жалко, что нет солнца! — сказал Снусмумрик. — А то бы гранаты сверкали вдвое ярче.

Снифф не отвечал, и лишь усы его встопорщились от ожидания.

Осторожно вступили они в дикое ущелье, дно которого было сплошь изрезано трещинами. До жути тихо и пусто было тут в сумерках, и они разговаривали друг с другом шёпотом.

— Здесь, — тихо сказал Снусмумрик.

Они наклонились и посмотрели. Внизу, в узкой расщелине, рдели мириады гранатов. Они тускло мерцали во мраке, словно огненные цветы, и Муми-тролль подумал о чёрной Вселенной, в которой сверкают тысячи маленьких комет.

— О-о!.. — прошептал Снифф. — И это всё твоё?

— Моё, пока я здесь, — небрежно ответил Снусмумрик. — Я владею всем, что вижу, о чём думаю. Я владею всем миром.

— А можно мне взять немножко? — задрожав, опросил Снифф. — Тогда я смогу купить настоящий парусник или финские санки...
— Бери сколько хочешь, — засмеявшись, ответил Снусмумрик.

Снифф начал потихоньку спускаться в расщелину. Он оцарапал себе нос и несколько раз чуть не упал, но любовь к гранатам придавала ему мужества.

Наконец он спустился вниз, глубоко вздохнул от восхищения и дрожащими лапами принялся собирать искристые камни. Их сверкающая грудa всё росла и росла, а он убегал за ними в расщелину всё дальше и дальше, не в силах слова сказать от счастья.

— Эй! — крикнул сверху Снусмумрик. — Ты готов?

— Нет ещё, — отвечал Снифф. — Их здесь так много...

— Выпадает роса, скоро холодно станет! — крикнул Муми-тролль.

— Сейчас, — ответил Снифф. — Сию минуту...

И он ещё чуточку подальше отбежал в расщелину, где навстречу ему сверкали два больших красных граната.

И вдруг — раз! — гранаты зашевелились, замигали, двинулись ему навстречу. За ними холодно шуршало по камням чешуйчатое тело.

Снифф коротко пискнул, повернулся и пустился наутёк. Он мчался вскачь, падал и снова бежал... Галопом примчался он к каменной стене и стал лихорадочно карабкаться вверх. А вдогонку ему из расщелины несло угрожающее шипение.

— Что случилось? — спросил Муми-тролль. — К чему такая спешка?

Снифф не отвечал и всё карабкался вверх, а перевалив через край расщелины, с жалким видом рухнул наземь.

Муми-тролль и Снусмумрик перегнулись через край расщелины и посмотрели вниз. Там, склонившись над грудой гранатов, сидел гигантский ящер.

— Боже мой! — прошептал Муми-тролль.

Снифф сидел на земле и ревел.

— Теперь всё позади, — сказал Снусмумрик, — Не плачь, дружок.

— Гранаты... — хлюпал Снифф. — Я так и не взял с собой ни одного камешка.

Снусмумрик подсел к нему и ласково сказал:

— Знаю, знаю. Жизнь страшно осложняется, когда хочешь обладать вещами, носить, держать их при себе. Вот почему я только смотрю на вещи, а когда снимаюсь с места, уношу их в своей голове. По-моему, это куда приятнее, чем таскать за собой чемоданы.

— Я мог бы носить их в рюкзаке, — мрачно заметил Снифф. — Смотреть на вещи — одно, а держать их в руках, знать, что они твои собственные, — совсем другое.

— Ничего, Снифф, не горюй, — утешал его Муми-тролль. — Сокровища нам ещё попадутся. А теперь пойдём: здесь становится холодно и страшно.

И они побрели по меркнувшему ущелью, задумчивые и чуть-чуть печальные.

Глава пятая

Снусмумрик очень оживил путешествие. Он наигрывал на губной гармошке песни, каких они раньше никогда не слышали, — песни со всех концов земли.

Он знал карточные фокусы и научил Муми-тролля Сниффа печь оладьи с винными ягодами. А ещё он был горазд рассказывать необыкновенные, невероятные истории.

Казалось, и сама река оживилась. Она бежала теперь быстрее, а на её поверхности тут и там кружились небольшие водовороты. Она стала уже, а берега стали выше. С каждым днём всё отчётливее вырисовывались вдали синие и пурпурные горы. Их вершины, вонзались прямо в облака, которые тяжёлой пеленой висели над землёй.

Как-то утром Снусмумрик сидел, свесив ноги в воду, и выстуригал ножом свистульку.

— Я помню, — начал он, склонив набок голову, и Муми-тролль со Сниффом тотчас перешли к нему на корму, — я помню край с горячими ключами, — продолжал он. — Почва там была чёрная от лавы, а под лавой день и ночь грохотало. Это Земля спала там внутри и шевелилась во сне. Скалы как попало громоздились друг на дружку, а над ними висела горячая дымка, так что даже и не поверишь, что всё это взаправду. Я попал туда как раз под вечер. Хорошее местечко. Обед там приготовить пара пустяков. Налил в кастрюлю горячей воды из ключа — и готово!

— Но ведь так и обжечься недолго, — сказал Снифф.

— Я был на ходулях, — сказал Снусмумрик. — На ходулях можно перебраться через любую пропасть, через любую скалу. Только тут уж, конечно, не зевай, не то застрянешь в расщелине. Так вот, уже сумерки

были... Повсюду тихо булькает и парит, вокруг ни живой души, ни зелёной былинки. И вдруг земля, что спала там внизу, как проснётся, как загрохочет, как загудит, и прямо передо мной открылся кратер, а из него вырвалось красное пламя, и за ним огромная туча пепла!

— Вулкан, — затаив дыхание прошептал Муми-тролль.

— Так точно, — удостоверил Снусмумрик. — Это было дьявольски красиво! А потом я увидел духов огня, много-много. Они роем вылетели из земли и как искры рассыпались в разные стороны. Пришлось сделать крюк и обходить вулкан стороной, Я задыхался от жары и копоти и нажимал

вовсю. Наконец я спустился к подножию гор, нашёл маленькую речку и лёг на живот напиться, Вода, понятно, была несколько горячая, но всё же не кипяток. Вдруг вижу — летит один из тех духов огня да как бухнется в реку и сразу почти весь потух, голова ещё тлеет, а сам шипит-дымит и вопит что есть мочи: «Спасите!»

— И ты спас его? — спросил Снифф.

— А почему бы нет? — ответил Снусмумрик. — Что я против него имел? Вот только здорово об него обжётся. На берегу он обсох и опять разгорелся и на радостях сделал мне подарок, а потом улетел.

— Какой подарок? — спросил Снифф.

— Дал мне бутылку подземного подсолнечного масла, — сказал Снусмумрик. — Духи огня натираются им, когда хотят забраться поглубже в пылающее сердце земли.

— И можно пройти сквозь огонь, если намазаться им? — спросил Снифф, широко раскрыв глаза.

— Ну конечно, — ответил Снусмумрик.

— Что же ты до сих пор молчал? — закричал Муми-тролль. — Ведь в таком случае мы все спасены. Когда появится комета, стоит только...

— Но у меня почти ничего не осталось, — удручённо сказал Снусмумрик. — Я, понимаете ли, спасал вещи из горящего дома... Откуда я мог знать... Только на доньшке чуть-чуть и осталось.

— А хватит на маленького зверька, скажем, моих размеров? — спросил Снифф.

Снусмумрик оглядел его.

— Может, и хватит, — сказал он. — Но только до хвоста. Хвостом придётся пожертвовать.

— Боже милостивый, — сказал Снифф. — Тогда уж пусть лучше всё сгорит.

Но Снусмумрик уже не слушал его. Он насторожился и тянул носом воздух.

— Река... — сказал он. — Вы не замечаете ничего особенного?

— У неё теперь другой звук, — сказал Снифф. И верно. Река беспокойно шумела, была полна водоворотов и без конца крутила-вертела среди скалистых берегов.

— Спустите парус, — сказал Снусмумрик И пошёл дозорным на нос.

А река всё убыстряла и убыстряла свой бег, совсем как человек, который долго путешествовал и вдруг заметил, что он уже почти дома.

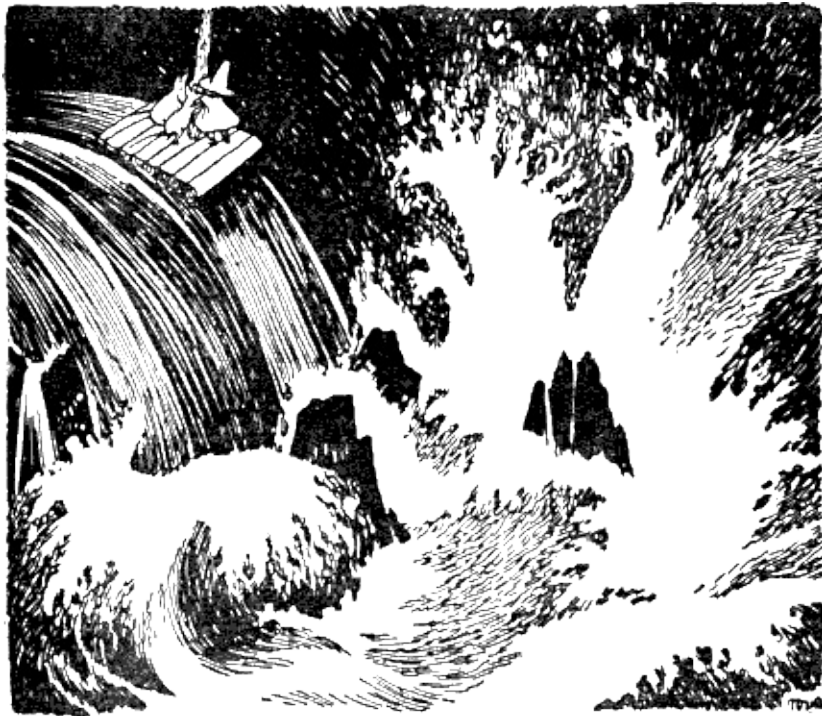
Берега сходились всё ближе, заключая бурлящую воду в узкое русло, а скалы над ними становились всё острее и выше.

— Не лучше ли пристать к берегу? — прокричал Снифф сквозь гул реки.

— Поздно спохватились! — отозвался Муми-тролль. — Теперь надо ждать, пока река успокоится.

Но река не успокаивалась. Всё неистовее устремлялась она в глубь Одиноких Гор. Плот, кружась, нёсся по дну тесного ущелья, а небо вверху сузилось в ужасающе тоненькую, узенькую полоску. Впереди слышался грозный гул.

— Водопад! — крикнул Снусмумрик. — Держись крепче. Они стали у мачты и ухватились друг за дружку.

Мимо проносились скользкие чёрные стены ущелья. Гул усилился, плот накренился и очутился вдруг в воздухе...

Какое-то мгновение вокруг них стоял сплошной рёв, кипела белая пена. Затем плотик скрипнул, выровнялся и, миновав водопад, провалился во тьму.

— Почему темно?! — завопил Снифф.

Ему никто не ответил. Пенящаяся вода мерцала бело-зелёным, всё остальное застилала чернота. Каменные стены гор сомкнулись в туннель, и плот неудержимо нёсся вперёд в бурлящих водоворотах. Они то и дело налетали на стены туннеля и кружились волчком. Но вот шум водопада

стал постепенно затихать, течение успокоилось и наконец вокруг воцарились мрак и тишина.

— Вы целы? — дрожа, спросил Снифф.

— Целы... — ответил Муми-тролль. — Достаньте-ка кто-нибудь фонарик.

Слышно было, как Снусмумрик роется в багаже. Наконец блеснул узкий луч света. Он боязливо пошарил по чёрной, стремительно бегущей воде, по каменным стенам и пытался пробить тьму впереди, но тщетно.

— Мне кажется, туннель делается всё уже и уже, — сказал Муми-тролль очень тихим голосом. — Вам не кажется?

— Кажется... немножко, — сказал Снусмумрик, пытаюсь сохранить самообладание. Но его голос звучал неубедительно.

И тут что-то произошло. Раздался треск, и флаг Снусмумрика свалился на плот.

Это сломалась о потолок туннеля верхушка мачты.

— Мачту за борт, живо! — крикнул Снусмумрик.

Мачта с плеском упала в воду и исчезла во мраке. Они тесно прижались друг к дружке и ждали. И вдруг Снифф почувствовал, как что-то прикоснулось к его ушам.

— Уши мои! — закричал он. — Мои уши задели за потолок!

Он бросился на живот и крепко-накрепко зажмурил глаза.

— Я вот всё думаю, — прозвучал из мрака голос Муми-тролля, — я вот всё думаю, что скажет мама, если мы никогда, никогда больше не вернёмся домой...

В это мгновение плот стукнулся обо что-то и остановился.

Они долго ждали, не смея пошевелиться. Потом Снусмумрик осторожно наклонился к воде.

— Мы наткнулись на мачту, — сказал он. — Она стала поперёк туннеля.

Они выпрямились и посмотрели друг на друга.

— Здесь чуточку посветлее, — сказал Снусмумрик.

Они отчётливо видели, как мерцающая чёрная вода бежала мимо них всё дальше и дальше, и там — за ближайшим поворотом — река с бульканьем срывалась вниз, в бездонную дыру!

— Видите? — прошептал Муми-тролль.

Снифф разревелся.

— Хочу домой! — всхлипывал он. — Не хочу больше с вами! Какое мне дело до ваших тухлых экспедиций и каких-то дурацких комет...

— Ну, ну, — сказал Снусмумрик и легонько потряс его. — Глянь-ка

наверх. Глянь! Видишь?

Снифф посморкался и глянул, В скале над его головой была узкая щель, а в неё виднелась полоска хмурого неба.

— Ну и что же? — мрачно сказал он. — Я ведь не муха. И даже будь я мухой, это мне не помогло бы. У меня с детства склонность к головокружениям, с тех самых пор, как я перенёс воспаление уха...

И он снова расплакался.

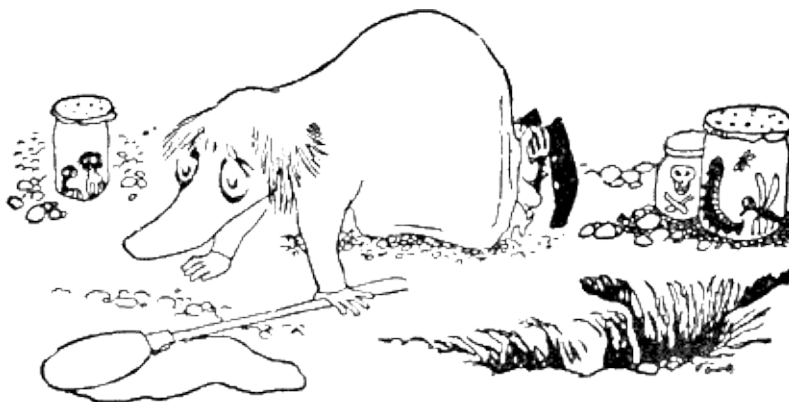
А Снусмумрик достал губную гармошку и заиграл. Он играл песни о приключениях, о счастливых избавлениях и величайших сюрпризах, а потом песни о дожде и утренние песни.

Через некоторое время Снифф успокоился и вытер слёзы с усов.

А музыка летела в горы сквозь щель и будила там эхо за эхом и, наконец, разбудила одного хемуля, который спал, сидя в траве, положив рядом с собой свой сачок.

— Это что ж такое, — сказал Хемуль и огляделся вокруг. Он поглядел на небо и заглянул в сачок, свинтил крышку с банки для жуков и заглянул туда тоже.

— Шум! — сказал он. — Здесь кто-то шумит. (Что поделаешь, Хемуль не был музыкален.)

В конце концов он взял увеличительное стекло и стал ползать с ним по траве. Он искал и прислушивался, принюхивался и тянул носом воздух и так добрался до щели в земле. Тут шум усилился.

— Должно быть, это какие-то очень необыкновенные насекомые, — сказал себе Хемуль. — Наверняка редкие, и даже, может быть, ещё никем не открытые!

От этой мысли Хемуль очень оживился и сунул свой длинный нос в расщелину, чтобы получше разглядеть, что там такое.

— Смотрите, смотрите! — закричал Муми-тролль. — Хемуль!

Снусмумрик перестал играть на губной гармошке и начал звать на помощь.

— Спаси нас! Спаси нас! — заголосил вслед за ним Снифф.

«Что они, совсем с ума посходили?» — подумал Хемуль и осторожно сунул в расщелину сачок.

— Прыгаем! — закричали странные насекомые.

Хемуль вытянул сачок обратно и посмотрел, что в нём такое.

— Очень удивительно! — сказал он, вытряхивая на землю Му — митролля, Снусмумрика, Сниффа и три рюкзака.

— Спасибо, милый Хемуль, — сказал Муми-тролль, жмурясь от света. — Ты спас нас в последнюю минуту!

— Я вас спас? — удивлённо спросил Хемуль. — Это не входило в мои расчёты. Я просто хотел достать насекомых, которые шумели внизу. (Хемули, как правило, туги на соображение, но добры, если их не сердить.)

— Это Одинокие Горы? — спросил Снифф.

— Не знаю, — ответил Хемуль. — Во всяком случае, тут есть очень интересные ночные бабочки.

— Да, вероятно, это и есть Одинокие Горы, — сказал Снусмумрик, оглядываясь.

Вокруг высились горные кряжи, бесконечно пустынные и безмолвные. Воздух был прохладен.

— А где же Обсерватория? — спросил Снифф.

— Это ещё надо выяснить, — сказал Муми-тролль, — Наверное, она тут в самом высоком месте. А сейчас я хочу кофе.

— Кофейник остался на плоту, — сказал Снусмумрик.

Муми-тролль бросился к расщелине и заглянул в неё.

— Плот сорвало и унесло, — жалобно проговорил он. — Кофейник уехал в подземное царство! Как же мы теперь без кофе?

— Мы сами чуть было не уехали в подземное царство, — весело ответил Снусмумрик. — Кофейник там, кофейник здесь — не так уж это, наверное, важно, когда ищешь кометы.

— А это редкость? — спросил Хемуль, вообразив, что речь идёт о каких-то бабочках.

— Пожалуй, что да, — сказал Снусмумрик. — Они появляются примерно одна в столетие.

— Потрясающе, — сказал Хемуль. — Я обязательно должен поймать хотя бы одну. Как они выглядят?

— Надо полагать, красные, с длинным хвостом, — сказал Снусмумрик.

Хемуль достал записную книжку и сделал в ней заметку на память.

— Должно быть, из рода *Filicnarcus Snufsigalonica*, — торжественно возвестил он. — И ещё один вопрос, мои учёные друзья. Чем питаются эти диковинные насекомые?

— Хемулями, — хихикнув, ответил Снифф.

Лицо Хемуля побагровело.

— Вы очень неуместно шутите, молодой зверёк, — сурово сказал он. — В вас нет научной добросовестности. Я пошёл.

Он рассовал по карманам свои банки, подхватил сачок и зашагал прочь.

— Нет, какво! — в восторге кричал Снифф. — Он думает, что комета — это жук или что-нибудь в этом роде! Вот дурачок!

— Тебе не следовало так шутить, — строго сказал Муми-тролль, хотя и сам, казалось, был в не меньшем восторге.

Они выбрали самую высокую горную цепь и начали медленно взбираться наверх.

Глава шестая

Был поздний вечер.

Горы стояли в своём первозданном величии и грезили. Через огромные пропасти смотрели друг на друга их пики, а из пропастей поднималась белесовато-серая леденящая мгла.

Время от времени от тяжёлой громады туч отрывалось облачко и медленно скользило над горными кручами, где гнездились кондоры и орлы.

А на отвесной стене утёса чьей-то таинственной рукой был высечен знак кометы — звезда с длинным развевающимся хвостом.

Под одним из пиков светился маленький-маленький огонёк. Подойдя поближе, вы бы увидели, что это жёлтая шёлковая палатка, освещённая изнутри.

Напевы Снусмумрика сиротливо лились на пустынном просторе, и далеко вдали гиена, задрав морду, прислушивалась к необычным звукам. А потом завывала, протяжно и жутко.

— Что это? — спросил Снифф, боязливо придвигаясь к огню.

— Это не опасно, — ответил Снусмумрик. — А теперь давайте песенку о шмеле, как он ходил на маскарад.

И он заиграл вновь.

— Хорошая песенка, — сказал Муми-троль. — Только непонятно, что случилось со шмелём и было ли весело на маскараде. Расскажи лучше что-нибудь.

Снусмумрик задумался, потом спросил:

— Я рассказывал вам о своей встрече со снорками?

— Нет, — встрепнулся Муми-троль. — А что это такое?

— Ты и вправду не знаешь, кто такие снорки? — удивился Снусмумрик. — А ведь они, должно быть, твои сородичи, вы так похожи. Только ты белый, а они, когда волнуются, меняют цвет.

— Никакие мы с ними не сородичи, — сердито ответил Муми-

тролль. — Нет у меня сородичей, которые чуть что — и перекрашиваются. Существует лишь один вид Муми-троллей — белый!

— Во всяком случае, эти снорки очень похожи на тебя, — спокойно сказал Снусмумрик. — Он бледно-фиолетовый, а его сестрёнка светло-зелёная, И, признаться, очень недурна! Вся покрыта мякеньким пушком и с чёлкой, она её то и дело причёсывала...

— Глупости, — сказал Муми-тролль зевая.

— Ну, и что же случилось? — спросил Снифф.

— А ничего особенного, — сказал Снусмумрик. — Просто она такая симпатяшка. Плела из травы маленькие циновки для спанья и готовила мягкие настои из трав, если вдруг разболится живот. За ухом у неё всегда были цветы, а на ноге она носила маленький золотой браслет.

— Ну, и никакая это не история, — сказал Снифф.

Снусмумрик пожал плечами и снова принялся играть.

— Все девчонки дуры, и ты с ними, — сказал Мумии-тролль, забрался в спальный мешок и уткнулся носом в стенку палатки.

А ночью ему приснилась маленькая светло-зелёная фрёкен Снорк. Она была похожа на него самого, и он подарил ей розу, чтобы она носила её за ухом.

— Глупости какие, — сказал он утром, проснувшись.

Снифф и Снусмумрик между тем уже свёртывали палатку.

— Сегодня мы заберёмся вон на ток пик, самый высокий, — сказал Снусмумрик.

— А откуда ты знаешь, что именно он нам и нужен? — спросил Снифф и высоко задрал голову, чтобы увидеть вершину. Но она пряталась в облаках.

— Посмотри вокруг, — гордо произнёс Снусмумрик. — Сколько тут сигаретных окурков! Их набросали профессора из Обсерватории.

— А ведь верно... — отозвался Снифф, завидуя, что не он первым это открыл.

Они медленно брели вверх по извилистой горной тропинке. Между ними тянулась верёвка, которой они на всякий случай обвязались поперёк живота.

— Помните: вы делаете это на свою голову! — бубнил Снифф, шедший последним.

Всё выше и выше, всё круче и круче.

— Ух, жарко! — сказал Муми-тролль, вытирая лоб. — А мама-то думала, нам будет холодно. Как хорошо, что крокодилы съели наши брюки!

Они глянули вниз в долину. Всё вокруг было такое первобытное, такое гигантское и одинокое, страшно одинокое. Среди голых круч, распластав крылья, парил кондор — единственное живое существо, которое они видели.

— Какая ужасно большая птица! — сказал Снифф. — Наверно, ему так скучно одному наверху...

— Возможно, у него где-нибудь здесь жена, а может, и целый выводок кондорят, — заметил Снусмумрик.

Кондор величественно скользнул вперёд, поворочал головой с холодными глазами и огромным крючковатым клювом, замахал крыльями и повис в вышине прямо над ними.

— Интересно, о чём он сейчас думает? — спросил Снифф.

— Он что-то очень грозно выглядит, — обеспокоенно сказал Мумитроль. — Уж не собирается ли он...

И в ту же секунду Снусмумрик крикнул:

— Он летит на нас!

Шелестя крыльями, кондор стремительно налетал на них. Они бросились к каменной стене горы, прижались к ней, крепко уцепившись друг за дружку, и беспомощно ждали, леденя от страха.

Вот он!

Казалось, будто мимо пронёсся ураган, широченные крылья ударили по скале и на мгновение затмили свет, но уже в следующее мгновение всё было тихо и спокойно опять.

Дрожа от страха, они оглянулись. Кондор летел теперь где-то внизу, в меркнувшей бездне. Он парил, описывая широкий полукруг, потом взмыл ввысь и направился в глубину гор.

— Он стыдится своей неудачи, — сказал Снусмумрик. — Кондоры очень гордые птицы. Второй попытки он не сделает.

— Крокодилы, гигантский ящер, водопад, подземный туннель, кондор, — подсчитывал на пальцах Снифф. — Пять огромных, ужасных переживаний! Особенно для меня, ведь я такой маленький.

— Самое большое приключение у нас ещё впереди, — серьёзно сказал Муми-тролль.

Все трое посмотрели вверх, на тяжёлые серые тучи.

— Так хочется увидеть небо! — с тоскою сказал Муми-тролль. — Ну ладно, двинулись дальше.

К вечеру они поднялись под самые облака. Гора завесилась густым туманом, идти по тропе стало скользко и опасно. Они промёрзли до костей (теперь Муми-тролль с печалью вспоминал о шерстяных штанах), и куда ни глянь — повсюду вокруг них была пустота.

— Я-то думал, облака мягкие как пух и в них приятно гулять, — сказал Снифф, чихая. — Надо же мне было ввязаться в эту дурацкую экспедицию!

Как раз в этот миг Муми-тролль остановился и наострил уши.

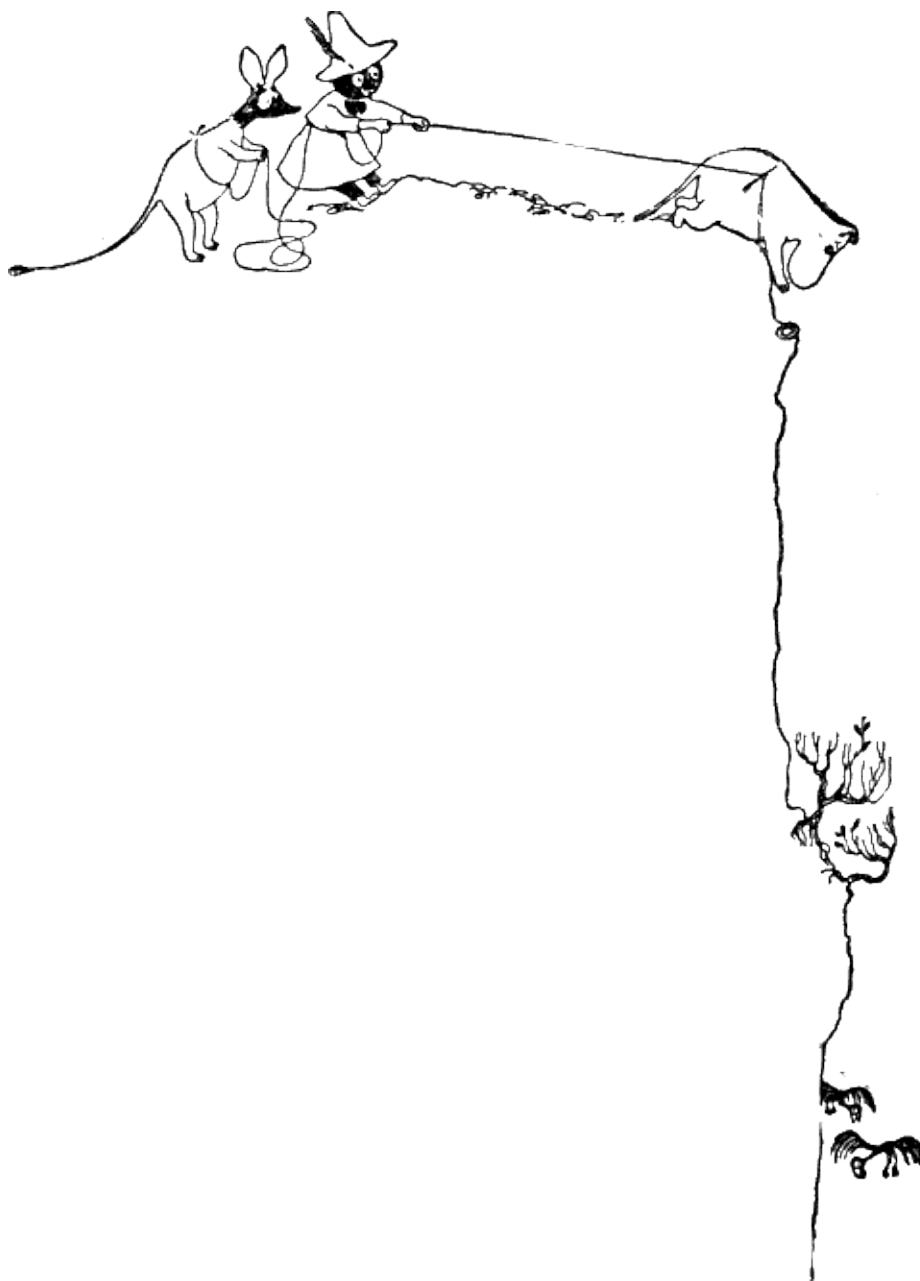
— Пойдите, — сказал он. — Вон там что-то сверкает! Может, огонёк... А может, алмаз...

— Алмаз!.. — завопил Снифф. Он очень любил драгоценные камни.

Муми-тролль двинулся на мерцающий огонёк и, натянув верёвку, потащил за собой остальных.

— Золотой браслет, — объявил он.

— Осторожней, — сказал Снусмумрик. — Он лежит на самом краю!

Но Муми-тролль не слушал его. Он осторожно подполз к обрыву и потянулся за браслетом. Снусмумрик и Снифф крепко держали верёвку. Муми-тролль всё дальше перегибался через край пропасти и наконец схватил в лапы браслет.

— Как ты думаешь, это не может быть браслет с ноги фрёкен Снорк? — спросил он.

— Это он, — печально ответил Снусмумрик. — А она — она была такая красивая. И она всегда ходила собирать цветы по опасным местам.

Муми-тролль не отвечал. Они уныло побрели дальше. Облака вокруг

них мало-помалу редели, воздух теплел.

Они остановились на утёсе отдохнуть и молча всматривались в серые колышущиеся завесы.

В это мгновение в облаках открылся просвет. Он быстро расширялся, и вдруг они увидели перед собой море туч. Сверху оно казалось до того мягким и красивым, что так и хотелось залезть в него ногами, потанцевать и покувыркаться в нём.

— Теперь мы над облаками, — торжественно объявил Снусмумрик.

Все вдруг посмотрели на небо.

— Что это? — в страхе прошептал Снифф.

Потому что небо не было больше хмурым и сумрачным, как раньше, но не было и голубым. Оно стало чуть красноватым, и в этом было что-то неестественное.

— Может, это закат такой, — неуверенно сказал Снусмумрик.

Но Муми-тролль очень серьёзно ответил:

— Нет. Это комета окрасила небо в красный. Она движется к Земле.

Здесь, на самом высоком пике зубчатой горной цепи, стояла

Обсерватория, где профессора делали тысячи удивительных наблюдений, выкуривали тысячи сигарет и жили наедине со звёздами.

Муми-тролль направился к башне; Снусмумрик со Сниффом молча последовали за ним.

Они открыли маленькую дверь, тихонько поднялись по лестнице и, войдя в просторный зал, чуть дыша застыли у порога.

Где-то в темноте тихо гудел мотор. Огромный телескоп медленно двигался туда и обратно по рельсам, высматривая сквозь стеклянную крышу опасности в мировом пространстве. А внизу на полу суетились профессора, что-то подкручивали, налаживали, записывали.

Муми-тролль вежливо кашлянул.

— Здравствуйте, — сказал он.

Но профессора его не замечали.

— Славная погода сегодня! — продолжал он, немножко повысив голос, но не получил никакого ответа.

Тогда он прошёл в зал и тихонько тронул за рукав профессора, что был к нему ближе всех.

— Мы прошли тысячи километров, чтобы увидеться с вами, дяденька, — сказал Муми-тролль.

— А, опять ты здесь! — сказал профессор.

— Простите, пожалуйста, но я здесь в первый раз, — ответил Муми-тролль.

— Ну, значит, те двое были очень на тебя похожи, — буркнул профессор. — А у меня нет времени на всех, кто шныряет тут вокруг да задаёт детские вопросы. Эта комета — самое интересное из всего, что мне довелось наблюдать за девяносто три года моей жизни. Ну, что тебе?

— Я только хотел узнать... кто тут был до меня, — запинаясь, сказал Муми-тролль. — Случайно не маленькая светло-зелёная фрёкен Снорк? Чуть пушистенькая такая... с цветком за ухом?

Профессор тяжело вздохнул.

— Нет, — сказал он, — Нет, пушки, цветки, фрёкен — это не по моей части. А впрочем, верно, вертелась тут одна особа, страшно мешала мне. Всё болтала о каком-то украшении, потеряла она его, что ли. А теперь брысь от меня! Я и так потерял с тобой сорок пять секунд!

— Спасибо! — сказал Муми-тролль. — Спасибо, большое спасибо!

Он поклонился и, пятясь задом, пошёл к двери.

— Ну что? — полюбопытствовал Снифф. — Летит?

— Когда она в нас врежется?. — спросил Снусмумрик.

— А?.. Что? — растерянно переспросил Муми-тролль.

— Что, что! Комета, разумеется! — сказал Снусмумрик.

— А я про это и не спрашивал, позабыл, — ответил Муми-тролль. — Зато я узнал: она была здесь! Она... маленькая фрёкен Снорк! Она жива! Она не свалилась в пропасть!

— Это уже кое-что, — язвительно заметил Снусмумрик.

— Нет, правда? — сказал Муми-тролль, улыбаясь, как идиот.

— Ты дурак, — сказал Снифф. — Теперь я пойду и спрошу.

И он на цыпочках подошёл к другому профессору.

— Дяденька, можно поглядеть в телескоп? — вежливо спросил он. — Меня страшно интересуют кометы, и я так много слышал об одном очень уважаемом профессоре, который их открывает.

Профессор вскинул очки на лоб.

— Это правда? — сказал он, весьма польщённый. — Ну, в таком случае придётся разрешить. И он наладил телескоп так, чтобы Сниффу удобней было смотреть.

В первую минуту Снифф испугался. Небо было совсем чёрное, а звёзды огромные и мигали, будто живые. А где-то далеко-далеко между ними сверкало что-то вроде злобного красного глаза.

— Это комета? — шёпотом спросил он.

— Да, это она, — ответил профессор.

— Но она совсем не двигается, — озадаченно проговорил Снифф. — И я не вижу у неё никакого хвоста.

— Хвост позади, — объяснил профессор. — Она несётся прямо на Землю, вот и кажется, что она неподвижна. Но она с каждым днём будет расти и расти.

— А когда она долетит до нас? — спросил Снифф и, замирая от ужаса, снова посмотрел в телескоп на маленькую красную искорку.

— Согласно моим расчётам, комета должна коснуться Земли вечером седьмого октября, в восемь часов сорок две минуты или, возможно, на четыре секунды позднее, — ответил профессор.

— И что тогда произойдёт? — спросил Снифф.

— Произойдёт? — удивлённо переспросил профессор. — Над этим я не задумывался. Во всяком случае, я подробно опишу ход событий.

— А вы знаете, дяденька, какое сегодня число? — спросил Снифф.

— Третье октября, — ответил профессор. — Ровно шесть часов двадцать восемь минут.

— Тогда нам надо спешить, — сказал Снифф. — Огромное спасибо.

Он подошёл к своим, задрал нос, и сказал:

— Я имел очень содержательную беседу с профессором. Мы оба

пришли к выводу, что комета столкнётся с Землёй седьмого октября, в восемь часов сорок две минуты вечера или, возможно, на четыре секунды позднее.

— Тогда скорее домой, — сказал Муми-тролль. — Только б успеть домой к маме, прежде чем комета долетит до Земли. Тогда, может, всё это не так опасно. Уж мама что-нибудь да придумает...

Он ринулся вниз по лестнице, с шумом распахнул дверь.

— Ну, вы там, живее! — крикнул он.

— Спокойней, — сказал Снусмумрик. — Не мечись в темноте сломя голову, так и разбиться недолго. Ведь комета появится только через четыре дня!

— А, что там комета! — отмахнулся Муми-тролль. — Мы должны догнать снорков, брата и сестру. Девчонка должна получить обратно свой браслет!

Глава седьмая

Утро четвёртого октября выдалось ясное, хотя солнце было затянуто какой-то странной дымкой. Его затуманенный диск медленно выкатился из-за гребня гор и начал свой путь в небесной вышине.

Они не ставили на ночь палатки, а всё шли и шли.

Далеко внизу, в долине, они видели узкие ленты рек и тёмные пятна лесов.

— Зелёный лес... — сказал Снусмумрик. — Как мне хочется прочь отсюда, из этого каменного ландшафта!

— Я устал, — хныкал Снифф. — Не хочу больше тащить на себе эту тухлую палатку. Несите её сами!

— Но ведь мы несём остальной багаж, — урезонивал его Муми-тролль.

Снифф разревелся.

— Конечно, это никакая не тухлая, а чудесная жёлтая шёлковая палатка, — сказал Снусмумрик. — Но не надо слишком привязываться к собственности. Брось её!

— Прямо через край? — растерянно спросил Снифф и перестал плакать. Снусмумрик кивнул. Снифф подошёл с палаткой к краю пропасти.

— И кастрюли туда же? — спросил он.

— По мне, так пожалуйста, — пожал плечами Снусмумрик.

И Снифф швырнул всю поклажу в пустоту. Гигантскими скачками она запрыгала с утёса на утёс, кастрюли звенькали и бренькали, и лишь долгое время спустя последняя из них замолкла внизу.

Неожиданно Снифф побледнел.

— А теперь у меня закружилась голова, — объявил он, лёг пластом наземь и ни с места.

— У нас нет времени, — уговаривал его Муми-тролль, — Мне надо как можно скорее увидеть маленькую...

— Знаю, знаю, — перебил его Снифф. — Твою глупую фрёкен Снорк. — Только не тронь меня, пожалуйста, а то мне станет плохо.

— Оставь его в покое, — сказал Снусмумрик. — Пусть отлежится, а мы тем временем покатаем камни. Ты когда-нибудь катал камни?

— Нет, — сказал Муми-тролль.

Снусмумрик выбрал камень побольше и подкатил его к краю пропасти.

— Смотри!

Он с силой толкнул камень, и тот исчез в бездне. Через несколько секунд снизу донёлся грохот. Потом опять. А потом словно гром прокатился над горами, и ещё долго после этого гулкое эхо перекатывалось от вершины к вершине.

— Горный обвал! — восхищённо сказал Снусмумрик.

— Я тоже хочу попробовать! — загорелся Муми-тролль. — Вот тот камень столкну я!

И он кинулся к огромной каменной глыбе, которая чуть держалась на самом краю пропасти.

— Осторожней! — крикнул Снусмумрик, но было поздно.

Глыба уже с грохотом летела вниз, а вслед за нею от собственного толчка летел в пропасть злосчастный Муми-тролль.

Вероятно, тут бы и стало на свете одним Муми-троллем меньше, если б не верёвка, которой он был перепоясан. Снусмумрик упал на спину и упёрся в землю ногами. Рывок был такой сильный, что Снусмумрику показалось, будто его разорвало пополам. А Муми-тролль повис в бездне, беспомощно раскачиваясь взад и вперёд, и был он тяжёленек.

Снусмумрик мало-помалу сползал всё ближе к краю пропасти. Но вот верёвка за ним натянулась, и Сниффа, привязанного к другому её концу, потащило по камням.

— Прекратите! — завизжал он. — Не приставайте! Я плохо себя чувствую!

— Через минуту ты почувствуешь себя ещё хуже, если не удержишь нас! — крикнул Снусмумрик.

А Муми-тролль в пропасти вопил: — Спасите! Помогите!

Тут уж Снифф понял, в чём дело, и до того испугался, что всю хворь с него как рукой сняло. В диком страхе он заметался туда-сюда и в конце концов совершенно запутал верёвку между камнями, и они перестали сползать.

— А теперь тяни, — скомандовал Снусмумрик. — Тяни что есть сил, когда я скажу «раз». Приготовились! Нет, я ещё не сказал «раз». И опять ещё не сказал, А вот теперь — раз!

И они стали тянуть изо всех сил.

Наконец над краем пропасти показался Муми-тролль. Сперва уши, потом глаза, потом чуточку носа, потом весь нос, а там уж и весь он целиком.

— Боже мой! — сказал он. — Боже мой!

— Это я удержал всех нас, — сказал Снифф. Они долго сидели на земле, приходя в себя. Потом Муми-тролль вдруг сказал:

— Мы были дураки.

— Это ты был дурак, — возразил Снифф.

— Ну, прямо-таки преступники, — продолжал Муми-тролль, не слушая его. — Подумать только! Вдруг мы скатили этот камень на голову маленькой фрёкен Снорк?!

— Тогда она превратилась в лепёшку, — сказал Снифф.

Муми-тролль так и подскочил.

— Пошли дальше! — сказал он. — Немедленно.

Они продолжали спускаться в долину под красноватым небом, в котором плыло затуманенное солнце.

Между скал у подножия горы бежал маленький ручеек, неглубокий и прозрачный, полный сверкающих золотых песчинок. На камне, опустив в воду усталые ноги, сидел Хемуль и тяжело вздыхал. Около него лежала толстая книга, под названием «Ночные бабочки Восточного полушария, их привычки и непривычки».

— Ума не приложу, — бормотал Хемуль. — Ни одной с красным хвостом! А что, если это *Dideroformia Archiboldes*? Но это совсем обычная бабочка, и у неё вовсе нет хвоста.

И он в который уж раз тяжело вздохнул.

В эту минуту Муми-троль, Снусмумрик и Снифф выступили из-за скалы и сказали:

— Привет!

— Ой! — вскрикнул Хемуль. — Как я испугался! А, это опять вы! А я-то думал, горный обвал. Утром здесь творилось что-то ужасное.

— Что именно? — полюбопытствовал Снифф.

— Горный обвал, вот что, — ответил Хемуль. — Совершенно ужасный. Камни величиною с дом скакали вокруг меня; моя лучшая стеклянная банка разбита. А сам я был вынужден самым недостойным образом увёртываться от них. Это было ужасно.

— Боюсь, что, проходя по тропе, мы нечаянно столкнули вниз несколько камней, — сообщил Снусмумрик. Это легко случается, когда ходишь по горам.

— Не хочешь ли ты сказать, что это вы устроили горный обвал? — спросил Хемуль.

— Нечто вроде, — ответил Снусмумрик.

— Я никогда не был о вас особенно высокого мнения, — медленно произнёс Хемуль. — А после этого вообще неизвестно, захочу ли я с вами знаться.

Он отвернулся и стал плескать воду на свои усталые ноги. Через некоторое время он повернул голову и спросил:

— Вы ещё не ушли?

— Скоро уйдём, — ответил Муми-тролль. — Дяденька, а дяденька... Вам не кажется, что у неба какой-то странный цвет?

— Цвет? У неба? — удивлённо переспросил Хемуль.

— Да, у неба, — повторил Муми-тролль.

— Глупости, — сказал Хемуль. — По мне, будь оно хоть в клетку. Я так редко на него гляжу. Что меня беспокоит, так это ручей: он высыхает. Если и дальше так пойдёт, мне, чего доброго, негде будет ополаскивать ноги.

— Так ведь это большая комета... — начал было Муми-тролль, но тут Хемуль порывисто встал, сгрёб свои вещи и перешёл на ту сторону ручья.

— Ладно, пошли, — сказал Снусмумрик. — Раз уж Земле суждено превратиться в отбивную, оно, может, и лучше, если Хемуль не будет знать об этом заранее.

Глава восьмая

Местность изменилась, идти стало легче. Земля оделась мхом и лишайником, тут и там пучками росли Цветы. Опушка леса придвинулась ближе.

— Надо взять курс прямо на долину, — сказал Снусмумрик. — Мы должны идти напрямиком, если хотим поспеть туда раньше кометы.

Муми-тролль посмотрел на компас.

— Он совсем свихнулся, — сказал он. — Стрелка вертится и не хочет стоять на месте. Может, он боится кометы?

— Очень может быть, — ответил Снусмумрик. — Тогда придётся идти по солнцу. Или, вернее, по той малости, что от него ещё осталось.

Спускаясь дальше по склонам, они набрали на небольшое озеро. Вода в нём спала, открыв крутые берега с высохшими, поникшими от жары водорослями. Купаться здесь было нехорошо.

— Наверное, у него треснуло дно, — сказал Снифф, — и теперь вся вода утекает в землю.

— Но ручей Хемуля тоже обмелел, — заметил Снусмумрик.

Снифф заглянул в дорожную фляжку с соком, но там понижения уровня не наблюдалось.

— Ничего не понимаю, — сказал он.

— Ну, это не новость, — заметил Муми-тролль. — Ладно, пошли дальше.

И тут они услышали крики: «Помогите!» Высокие, пронзительные крики, и чуть подалее вперёд визг потише, очень похожий на женский. В первое мгновение Муми-тролль прямо остолбенел, а потом понёсся вперёд с быстротой пушечного ядра.

— Не так быстро! — завопил Снифф. — Ай! Ой!

Верёвка затянулась у него на животе, и он, барахтаясь, волочился на ней и пахал носом землю. Но его друзья не остановились до тех пор, пока, норовя обежать дерево с разных сторон, сами не растянулись во весь рост.

— Да скиньте вы к чёрту эту верёвку! — свирепо прорычал Муми-тролль.

— Ага! Ты ругаешься! — возмущённо закричал Снифф.

— Подумаешь! — огрызнулся Муми-тролль, разрубая ножом верёвку. — Это она! Это фрёкен Снорк!

И он снова помчался вперёд со всей быстротой, на какую были

способны его коротенькие ножки. Через некоторое время им навстречу выбежал Снорк, весь синий от страха.

— Торопитесь! — закричал он. — Поедают мою сестрёнку! Какой-то дьявольский куст схватил её и ест!

И это была суцая правда.

Ядовитый куст опасной разновидности *Angostura* вцепился в хвост маленькой фрёкен Снорк и медленно подтаскивал её к себе своими живыми руками, а она пицала, визжала и упиралась изо всех сил.

— Ах ты мерзкий куст! — крикнул Муми-тролль и взмахнул своим перочинным ножом (новым, со штопором и пилочкой для ногтей). Затем он предпринял ряд обманных манёвров и попытался раздражить куст оскорблениями, обзывая его ползучим гадом, посудной щёткой и крысиной чумой.

Куст устался на него всеми своими жёлто-зелёными цветами, отпустил фрёкен Снорк и потянулся к нему извивающимися руками.

Снусмумрик, Снифф, Снорк и его сестра глядели на этот жестокий бой, не смея перевести дух.

Муми-тролль скакал туда-сюда, яростно молотил хвостом и время от времени делал выпады в сторону машущего руками Ангостуры.

Вот одна из его зелёных рук обвилась вокруг носа Муми-тролля, и из груди зрителей вырвался крик ужаса.

Но вот Муми-тролль одним махом отсёк её, и крик ужаса перешёл в торжествующий вопль.

А схватка закипела с новой силой, Куст весь трясся от негодования, Муми-тролль пылал от гнева и усилий. Зрители долго не могли ничего

разобрать в яростном мелькании ветвей, хвостов и ног. Фрёкен Снорк дрожащими лапами подняла большущий камень и запустила им в ядовитый куст, Но так как стрелок она была никудышный, камень угодил прямо в живот Муми-троллю.

— Я убила его! — зарыдала она и закрыла ланами лицо.

— Чего хорошего ждать от девчонки, — едко заметил Снифф.

Но Муми-тролль вовсе не был убит, он дрался как никогда и одну за другой отшибал ножиком руки Ангостуры. И лишь когда от того остался голый пенёк, сложил ножик и сказал (на взгляд Сниффа, ужасно надменно):

— Вот так-то.

— О, какой ты храбрый! — прошептала фрёкен Снорк.

— А, ерунда! Со мной такое бывает чуть ли не каждый день, — как бы невзначай бросил Муми-тролль.

— Странное дело, — заметил Снифф. — Я что-то никогда...

Но он не успел договорить: Снусмумрик больно наступил ему на ногу, так что он даже вскрикнул.

— Ой, что это? — вздрогнула фрёкен Снорк. Она ещё не пришла в себя после такого ужасного переживания.

— Не бойся, — сказал Муми-тролль. — Теперь я с тобой, я сумею защитить тебя от любой опасности, А ещё у меня есть для тебя небольшой подарок.

И он достал золотой браслет.

— Ах! — воскликнула фрёкен Снорк и порозовела от восторга. — А я-то думала, л его потеряла... Мне ужасно приятно... Где ты его нашёл?

И она тут же надела браслет на ногу и принялась вертеться и так и этак, любуясь им.

— Она ревела по нему несколько дней, — сказал Снорк, — Ничего не

хотела есть. Ну, а теперь, если господа не возражают, пройдемте чуть подальше, вон до той прогалины, и проведем собрание. Мне кажется, настало время поговорить о более важных вещах, чем браслеты.

И он повел всех на знакомую ему лесную поляну. Они уселись в кружок на траве и ждали.

— Так о чём же мы будем говорить? — спросил Муми-тролль.

— Разумеется, о комете, — сказал Снорк и с серьёзным видом взглянул на небо. — Назначаю себя председателем и секретарём собрания. Есть возражения?

Возражений не было, и Снорк трижды потыкал в землю карандашом.

— Что там? Божья коровка? — с интересом спросила фрёкен Снорк и нагнулась к земле поглядеть.

— Тихо, ты мешаешь собранию, — сказал Снорк. — Итак, она прилетит вечером седьмого октября, в восемь часов сорок две минуты или, возможно, на четыре секунды позднее.

— Кто? Божья коровка? — спросил Муми-тролль, любовавшийся мягкой чёлкой фрёкен Снорк.

— Комета, разумеется! — раздраженно ответил Снорк. — А теперь спрашивается: что следует предпринять?

— Мы идём домой, — ответил Муми-тролль. — Может, вы присоединитесь к нам?

— Этот вопрос мы подробно обсудим на следующем собрании, — сказал Снорк.

— Послушай-ка, — перебил его Снусмумрик, — Решать надо быстро. Сегодня четвёртое октября, почти уже вечер. В нашем распоряжении всего три дня, чтобы поспеть в Муми-дол.

— Ты там живёшь? — спросила фрёкен Снорк.

— Да, — ответил Муми-тролль. — Прелесть что за долина. Как раз перед тем, как отправиться в путь, я устроил для тебя качели.

— Хе! Да ведь ты ж тогда не был с ней знаком! — сказал Снифф. — Зато грот, мой грот — вот о чём стоит рассказать...

— Ближе к делу, — сказал Снорк и потыкал в землю карандашом. — Во-первых, можно ли рассчитывать, что мы поспеем в долину раньше кометы, а во-вторых, действительно ли там больше возможностей спастись, чем где-нибудь ещё?

— Пока что там всё шло хорошо, — заметил Снифф.

— Мама, наверно, что-нибудь да придумает, — сказал Муми-тролль. — Если б только вы видели наш грот! Я зарыл в нём жемчужины.

— Жемчужины! — восхищённо воскликнула фрёкен Снорк. — И из

них можно делать браслеты?

— Ещё бы! — ответил Муми-тролль. — Всё, что угодно: носовые кольца, серьги, набрюшники, диадемы...

— Это будет следующим вопросом повестки дня! — вскипел Снорк, яростно тыча в землю карандашом. — Тихо! Тихо! Тихо! Есть вещи поважнее носовых колец!

— Нет — если кольца отделаны жемчужинами! — отрезала сестра. — Вот ты опять сломал кончик карандаша. Кто хочет ужинать?

Все хотели ужинать!

Снорк презрительно фыркнул.

— Никогда не следует допускать девчонок на собрания! — сказал он.

— Не надо быть таким занудой, — сказала фрёкен Снорк, доставая тарелки из маленькой корзинки. — Лучше набери мне немного дров. Кстати сказать, мы отлично можем укрыться в гроте, там, в долине Муми.

— Ах какая ты умница! — воскликнул Муми-тролль, с восхищением глядя на неё. — Конечно, мы можем укрыться в гроте!

— В моём гроте! — гордо сказал Снифф. — Мы завалим вход камнями, заделаем трещины в потолке и возьмём с собой много еды и маленький фонарик. Вот будет здорово!

— Во всяком случае, собрание необходимо, — бубнил своё Снорк. — Хотя бы по вопросу о разделении труда.

— Вот именно!.. Как там у тебя с дровами, готовы? — спросила сестра. — Снифф! Раздобудь мне воды для супа.

Снифф и Снорк отправились выполнять поручения, а фрёкен Снорк продолжала хлопотать по хозяйству.

— Муми-тролль, — сказала она. — На стол нужны цветы.

— Какие? — робко спросил он.

Фрёкен Снорк оглядела себя и увидела, что сейчас она розового цвета.

— Я думаю, лучше всего мне подойдут розовые, — сказала она.

И Муми-тролль бросился исполнять поручение.

— А я? — спросил Снусмумрик. — Что я могу сделать для тебя?

— Сыграй мне что-нибудь, — попросила фрёкен Снорк.

Снусмумрик достал губную гармошку и сыграл самую романтическую песню, какую он знал.

Через некоторое, вернее сказать, довольно продолжи — тельное, время Снорк вернулся с дровами.

— Ну, наконец-то, — сказала сестра.

— Трудно быстро набрать веток совершенно одинаковой длины, — укоризненно сказал он.

— Он всегда такой пунктуальный? — спросил Снусмумрик.
— Его мама таким родила, — ответила фрёкен Снорк. — Но куда это запропастился Снифф с водой?

А Снифф вовсе не нашёл воды. Небольшое озеро, на которое он набрёл в лесу, пересохло, лишь немного жидкой грязи осталось на дне, и бедные кувшинки все умерли. Он пошёл дальше в лес и набрёл на русло ручья, который тоже высох. Снифф не знал, что и подумать. В конце концов он, удручённый, вернулся к месту стоянки.

— Похоже, во всём мире кончилась вода, — сказал он. — Интересно, что говорят об этом рыбы.

— Это надо вынести на обсуждение, — сказал Снорк.

— Есть у тебя фляжка с соком? — спросила у Сниффа фрёкен Снорк. — Давай её сюда. — Она вылила сок в кастрюлю и стала варить фруктовый суп. — С этим ясно, — сказала она.

— Нет, не ясно, — упорствовал Снорк. — Ведь должна быть причина, почему вся вода пропала. Я почти уверен, что это как-то связано с кометой... Все разом глянули на небо.

Наступали сумерки. Меркнущий небосвод был окрашен в багрово-красный, и где-то там, над самыми верхушками елей, что-то сверкало. Небольшая красная искорка, похожая на далёкую звезду. Она стояла на месте, но по тому, как она вспыхивала и мерцала, чувствовалось, какая она горячая.

— Это она, — мрачно сказал Снорк.

Его сестра вздрогнула и придвинулась к костру.

— Фу, — сказала она, — как неприветливо она смотрит. — При этом фрёкен Снорк из розовой постепенно стала фиолетовой.

В эту минуту примчался Муми-троль с букетом колокольчиков.

— Их нелегко было найти, — сказал он.

— Спасибо тебе, — ответила фрёкен Снорк. — Но я, собственно говоря, предпочла бы жёлтые. Как видишь, я переменила цвет.

— Да, конечно, — печально сказал Муми-тролль. — Поискать новых?

И тут он увидел комету, сверкавшую над кромкой леса.

— Возьми меня за лапу, — прошептала фрёкен Снорк. — Мне страшно.

— Не бойся, — успокаивал её Муми-тролль. — Она долетит до нас только через три дня, к тому времени мы уже укроемся в гроте и мама зажжёт ночник. А сейчас поедим твоего чудесного супу и ляжем спать.

Они разделили суп на пять равных частей, поужинали и забрались все вместе на циновку, которую фрёкен Снорк сплела из трав.

Костёр медленно угасал, а комета, горячая и зловещая, продолжала сверкать над тёмным безмолвным лесом.

Глава девятая

Весь следующий день они шли по лесу, держа путь прямо на Мумидол. Снусмумрик шагал впереди и играл на губной гармошке, чтобы было веселее.

Часов в пять вечера они вышли на узенькую дорожку и увидели путевой указатель, на котором значилось: «Танцплощадка — сюда! Лавка».

— О, танцы! Пойдём? — воскликнула фрёкен Снорк, хлопая в ладоши. — Я так давно, так давно не танцевала!

— Нет у нас времени на танцы, когда гибнет Земля, — сказал Снорк.

— Ну немножечко! — умоляла фрёкен Снорк. — Ведь Земля погибнет только через два дня!

— Может, в лавке можно будет достать лимонаду? — высказался Снифф.

— Да и дорожка ведёт почти в нашем направлении, — подхватил Муми-тролль.

— Ничего страшного, если мы взглянем на танцплощадку, — сказал Снусмумрик. — Так просто, когда будем проходить мимо.

Снорк вздохнул, и они свернули на дорожку.

Это была необычайно весёлая, резвая дорожка. Она виляла и скакала, а иногда даже игриво завязывалась петлёй. По такой дорожке можно идти сколько угодно и не устать. И, как знать, по такой дорожке скорее приходишь к цели, чем по скучному прямому пути.

— Да тут совсем как у нас дома в долине, — подумал вслух Муми-тролль.

— Расскажи что-нибудь про вашу долину, — попросила фрёкен Снорк.

— О, это самая лучшая долина на свете, — сказал Муми-тролль. — Там есть мировое дерево для лазанья, я хочу построить на нём дом. Песок под водой украшен маленькими мягкими волнами, а наши клумбы обложены ракушками. А ещё у нас есть свой мост, его построил папа, и по нему можно кататься в тачке.

— Ах как чудесно! — воскликнула фрёкен Снорк.

— Раньше ты прямо рвался оттуда, — заметил Снифф. — Только и толковал о том, как хорошо там, где нас нет.

— Ну, то было раньше, — ответил Муми-тролль. Тут дорожка в последний раз вильнула, и перед ними оказалась лавка.

Это была замечательная лавка.

Вокруг неё аккуратными рядами росли всяческие цветы, а перед ней стоял столб с серебряным шаром, в котором отражался лес и маленькая избушка с травяной крышей. Избушка была увешана вывесками и рекламами, на которых значилось: «Лимонад», «Мыло», «Жевательная резинка Ригли» и всякое другое. Под окнами росли огромные жёлтые и

зелёные тыквы.

Муми-тролль поднялся на крыльцо отворил дверь, и внутри избуш — ки звякнул колокольчик. Один за другим все последовали за ним — все, кроме фрёкен Снорк, которая осталась в палисаднике любоваться собой в серебряном шаре. За прилавком сидела старушка с блестящими мышинными глазками и белыми волосами.

— Во сколько детворы зараз! — сказала она. — Что вам угодно?

— Лимонаду, — сказал Снифф. — Лучше всего красного.

— Есть у вас тетради в линейку шириной в один сантиметр? — спросил Снорк.

Он хотел записать всё, что следует делать на случай столкновения Земли с кометой.

— Разумеется, — ответила старушка. — Синие вас устроят?

— Лучше какого-нибудь другого цвета, — сказал Снорк: синие напоминали ему о той поре, когда он был ещё маленький и ходил в школу.

— А мне, пожалуй, новые штаны, — сказал Снусмумрик. — Только они не должны выглядеть слишком новыми. Мне хорошо только в такой одежде, которая в моём стиле.

— Всё понятно, — сказала старушка и сняла с вешалки пару брюк. — Эти подойдут?

— Но они же ужасно чистые и новые! — печально сказал Снусмумрик. — Постарее не найдётся?

Старушка на минуту задумалась.

— Это самые старые, что у меня есть, — сказала она. — А завтра они станут ещё старее. И, конечно, ещё грязнее, — добавила она, глядя на Снусмумрика поверх очков.

— Ну ладно, — сказал он. — Пойду за уголок, примерю. Только сомневаюсь, чтобы они были в моём стиле.

И он исчез в палисаднике.

— Ну, а тебе что? — спросила старушка у Муми-тролля.

Муми-тролль смутился и застенчиво проговорил:

— Диадему...

— Диадему? — удивлённо переспросила старушка. Зачем она тебе?

— Уж конечно затем, чтобы подарить фрёкен Снорк! — сказал Снифф, который сидел на полу и тянул через соломинку лимонад. — Он страшно поглупел с тех пор, как повстречался с этой девчонкой!

— Дарить женщине украшения вовсе не глупо, — строго сказала старушка. — Ты ещё слишком мал, чтобы понимать такие вещи. Собственно говоря, украшение — единственно верный подарок, какой можно сделать женщине.

— Ну да ещё! — сказал Снифф и уткнулся носом в свой лимонад.

Старушка оглядела сверху донизу свои полки, но ни одной диадемы там не было.

— Может, под прилавком? — с надеждой спросил Муми-тролль.

Старушка заглянула под прилавок.

— Нет, там тоже нет. Похоже, диадем у меня не имеется. Ну, а пара хороших перчаток для снорков её не устроит?

— Не знаю, — с печальным видом проговорил Муми-тролль.

В эту минуту колокольчик над дверью звякнул, и в лавку вошла сама фрёкен Снорк.

— Здравствуйте, тётенька, — сказала она. — Какое чудесное зеркало у вас в садике, просто прелесть! Я давно потеряла своё карманное зеркальце и с тех пор смотрюсь в лужи, а лицо в них выглядит не очень-то!

Старушка подмигнула Муми-троллю, взяла что-то с полки и незаметно сунула ему в руку.

Муми-тролль глянул одним глазком. Это было маленькое круглое зеркальце в серебряной оправе, с розой из красных рубинов на оборотной

стороне. Он страшно обрадовался и подмигнул старушке в ответ. А фрёкен Снорк ничего не заметила.

— Тётя, а у вас есть медали? — спросила она.

— Что-что? — переспросила старушка.

— Медали, — повторила фрёкен Снорк. — Такие красивые звёзды, которые мужчины любят носить на шее.

— А, понятно, — сказала старушка. — Медали у меня где-то были.

И она снова оглядела сверху донизу свои полки, пошарила взглядом под прилавком и по всей лавке.

— Неужели ни одной не осталось? — со слезами на глазах спросила фрёкен Снорк.

Старушка с убитым видом смотрела на неё, потом вдруг что-то надумала и полезла по стремянке под самый потолок. Там стояла коробка с ёлочными украшениями, и она достала из неё большую нарядную звезду.

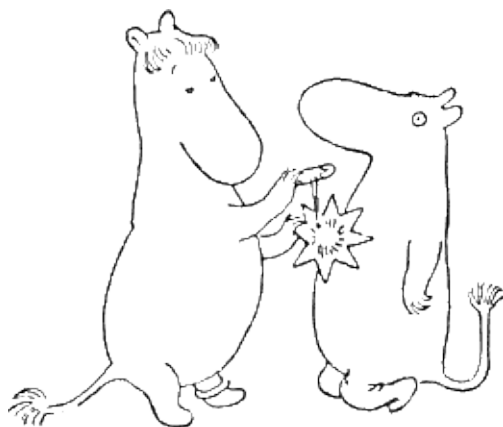
— Смотри, как удачно, — сказала старушка, обметая щёткой звезду. — Нашла я тебе медаль!

— Ах, что за прелесть! — воскликнула фрёкен Снорк.

Затем она повернулась к Муми-троллю и робко сказала:

— Это тебе за то, что ты спас меня от ядовитого куста.

Муми-тролль был до того потрясён, что не мог слова вымолвить.

Он преклонил колени, и фрёкен Снорк нацепила звезду ему на шею, где она заблестала бесподобным блеском.

— Нет, ты обязательно должен увидеть себя в зеркало! — воскликнула фрёкен Снорк.

Тут Муми-тролль достал из-за спины зеркальце и сказал:

— А вот это я купил тебе. Подержи, я посмотрюсь.

Пока они любовались собою в зеркало, колокольчик над дверью

звякнул вновь, и вошёл Снусмумрик.

— Мне кажется, лучше будет, если брюки состарятся здесь, — сказал он. — Они не в моём стиле.

— Очень жаль, — сказала старушка. — Ну, а новую шляпу тебе не надо?

Снусмумрик испуганно надвинул на глаза свою старую зелёную шляпу.

— Большое спасибо, — сказал он. — Мне вовремя пришло на ум, как опасно обременять себя собственностью.

В эту минуту Снорк, который всё время сидел и писал в тетради, поднялся и сказал:

— Один из пунктов правил спасения от комет гласит: не задерживайся долго в лавках, выбирая товар. Нам пора идти дальше. Снифф, живо допивай лимонад!

Снифф опрокинул в себя целый стакан и, как и следовало ожидать, лимонад попал не в то горло. Послышался булькающий звук, и лимонад выплеснулся на коврик.

— Фу! — сказала фрёкен Снорк.

— С ним всегда так, — сообщил Муми-тролль. — Ну так что же, пойдёмте?

— Сколько с нас? — спросил Снорк.

Старушка принялась за подсчёты, а вдруг с ужасом сообразил, что у него нет денег! Да что там денег — у него и карманов-то нет!

Он дёргал Снусмумрика за рукав, делал ему отчаянные знаки бровями, а Снусмумрик только головой тряс. Брат и сестра Снорки многозначительно смотрели друг на друга.

Ни у кого не было с собой ни гроша!

— Одна семьдесят пять за тетрадь и три марки за лимонад, — сказала старушка. — Звезда стоит пять марок, а зеркало одиннадцать, потому что на оборотной стороне рубины. Итого выходит двадцать марок семьдесят пять пенни.

Никто не проронил ни слова. Фрёкен Снорк со вздохом положила зеркальце на прилавок; Муми-тролль начал развязывать ленту медали.

Снорк усиленно соображал, дороже или дешевле стала тетрадь после того, как он исписал её, а Снифф глядел на залитый лимонадом коврик.

Старушка посмотрела на них поверх очков и кашлянула.

— Так вот, малыши, — сказала она. — Ещё у нас есть старые штаны, которые Снусмумрик отказался взять. Они стоят ровно двадцать марок. Одно покрывается другим, так что, в сущности, вы мне ничего не должны.

— А разве так правильно? — с сомнением спросил Муми-тролль.

— Ещё бы не правильно, маленький мой Муми-тролль, — сказала старушка. — Ведь я же удерживаю с вас штаны!

Снорк попробовал проверить расчёт в уме, но ничего у него не вышло. Тогда он записал в тетрадке вот так:

<i>Тетрадь</i>	<i>1,75</i>
<i>Лимонад (выплюнутый)</i>	<i>3</i>
<i>Медаль</i>	<i>5</i>
<i>Зеркало (с рубинами)</i>	<i>11</i>
	<i>Итого: 20,75</i>
<i>Брюки</i>	<i>20</i>
<i>20 = 20</i>	
<i>В остатке 75 пенни.</i>	

<i>Тетрадь</i>	<i>1,75</i>
<i>Лимонад (выплюнутый)</i>	<i>3</i>
<i>Медаль</i>	<i>5</i>
<i>Зеркало (с рубинами)</i>	<i>11</i>
<i>Итого:</i>	<i>20,75</i>
<hr/>	
<i>Брюки</i>	<i>20</i>
<i>20=20</i>	
<i>В остатке 75 пенни</i>	

— И правда, сходится, — удивился он.

— А семьдесят пять пенни? — завопил Снифф. Разве нам не причитается семьдесят пять пенни!

— Не мелочись, — сказал Снусмумрик. Будем считать, что мы квиты.

Они вежливо поклонились, а фрёкен Снорк сделала книксен. У двери она что-то вспомнила и спросила:

— А далеко отсюда до танцплощадки?

— Нет, только чуточку пройти вперёд, — ответила старушка. — Если ночь лунная, там дают добавочное время.

Они уже прошли немного по дорожке, как вдруг Муми-тролль остановился.

— Комета! — сказал он. — Надо бы предупредить старушку. Вдруг она захочет пойти с нами и спрятаться в гроте. Снифф, добеги до неё, спроси.

Снифф побежал назад, а они уселись у обочины ждать.

— Ты танцуешь мамбо? — спросила фрёкен Снорк.

— С грехом пополам, — ответил Муми-тролль. — Больше всего я люблю вальс.

— Вряд ли мы успеем к сроку в долину с этой вашей танцплощадкой, — завёл своё Снорк. — Взгляните на небо.

Они взглянули.

— Да, теперь её видно и днём, — сказал Снусмумрик. — Ещё только вчера она была с муравьиное яичко, а сегодня уже с теннисный мяч.

— Но уж танго-то ты должен уметь, — продолжала фрёкен Снорк. — Маленький шажок в сторону и два больших назад.

— Это можно попробовать, — отвечал Муми-тролль.

— Сестрёнка, — сказал Снорк, — почему у тебя одни глупости на уме? Неужели нельзя держаться ближе к делу?

— Танцы — не глупости! — запальчиво возразила сестра. — Мы начали говорить о танцах, а ты вдруг вылезаете с кометами. А я и дальше хочу говорить о танцах!

И оба начали потихоньку менять окраску. Но как раз в эту минуту прибежал Снифф.

— Она не хочет, — сказал он. — Она спрячется а погребе, если комета прилетит, Но она очень благодарна и дала нам на дорогу карамелек.

— А ты случайно не выклянул их? — угрожающе спросил Муми-тролль.

— Вот ещё! — возмущённо воскликнул Снифф. — Она сказала, что нас надо чем-то вознаградить, раз она задолжала нам семьдесят пять пенни! И она совершенно права!

Они двинулись дальше по весёлой дорожке. Солнце в небе катилось за мутной серой завесой, потом коснулось верхушек деревьев и опустилось за

горизонт.

Взошла луна, какая-то очень уж бледно-зелёная и тусклая. А комета засверкала ещё ярче. Она выросла до размеров полной луны и озаряла лес своим неправдоподобно красным светом. На небольшой лужайке они нашли танцплощадку. Она была убрана венками из светлячков, а на лесной опушке стоял гигантский кузнечик и настраивал скрипку.

— Страх подумать, что приходится играть, — сказал он.

— Для кого же вы играете? — удивилась фрёкен Снорк и огляделась вокруг.

— Для простого народа! — фыркнул кузнечик. — Все настаивают, чтобы я давал модерн!

Только тут они заметили, что поляна полна народу. Сюда сбежались все водяные, которые отважились выйти из пересохших лесных озёр и болот, и всякая ползучая лесная мелюзга, а под берёзами кучками сидели и сплетничали древесные духи.

Фрёкен Снорк достала зеркальце и посмотрела, хорошо ли сидит цветок за ухом, а Муми-тролль поправил свою медаль.

— Как по-вашему, могу я сыграть им на своей губной гармошке? — шёпотом спросил Снусмумрик у Снорка. — Кузнечик, случаем, не обидится?

— Играйте вместе, — ответил тот. — Разучи с ним песенку «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты».

— А ведь хорошо должно получиться, — благодарно сказал Снусмумрик и повёл кузнечика за куст (не ядовитый) разучивать новую песенку.

Через некоторое время из-за куста полились тихие мелодии — одна, другая, третья. Потом мелодии перешли в лихие трели.

Ползучая мелюзга, древесные духи и водяные перестали болтать, подошли и прислушались.

— Вот это модерн! — оживились они. — Под это уже можно танцевать!

— Мама, — сказала одна лесная крошка-малявка, показывая на звезду Муми-тролля. — А вон генерал!

Все собрались вокруг Муми-тролля и с удивлением разглядывали его.

— Какой мягенький у тебя пушок! — говорили жители леса фрёкен Снорк.

Древесные духи по очереди смотрелись в зеркальце с розой из

рубинов, а водяные ставили мокрые крестики вместо подписи в тетрадке Снорка.

Но вот из-за куста грянуло: «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты» (полный текст), и вперёд выступили Снусмумрик с кузнечиком, что есть силы наяривая на своих инструментах.

Каждый бросился искать себе пару, и на лужайке поднялась невообразимая толкотня. Но вот пары составились, и вся площадка закружилась в танце.

Фрёкен Снорк и Муми-тролль начали отплясывать мамбо, и после третьего круга дело у них пошло на лад, Снорк отхватил себе русалочку с водорослями в волосах, которая всё время сбивалась с такта, а Снифф кружился с самой маленькой из малявок, которая была от него в безумном восторге.

Мошкара плясала особняком, и со всего леса к площадке бегом, ползком и вскачь устремлялись толпы зевак.

Никто не думал о пылающей комете, которая одиноко летела в чёрной ночной пустоте.

Около полуночи прикатили большущую бочку мёда, и каждому дали маленькую берестяную чарку. Светлячки собрались в шар посреди лужайки, и все расселись вокруг и принялись угощаться бутербродами с луком, анчоусами и мармеладом.

— А теперь давайте рассказывать истории, — сказал Снифф. — Ты знаешь какие-нибудь истории, крошка-малявка?

— Не-е-ет... — смущаясь, протянула малявка. — Разве вот одну...

— Ну так начинай! — потребовал Снифф.

— Жила-была лесная крыса, звали её Пимп, — залепетала малявка, застенчиво глядя на слушателей сквозь растопыренные пальцы. — Она очень, очень боялась грома...

— Ну, а дальше? — подбодрял Снифф.

— Вот и вся история, — сказала крошка-малявка и уползла от смущения в мох.

Все так и покатались со смеху, а водяные заколотили хвостами в барабан.

— Сыграй что-нибудь, чтобы можно было подсвистывать, — попросил Муми-тролль Снусмумрика.

— «Трали-вали»? — спросил Снусмумрик.

— Ну её, она такая грустная, — возразила фрёкен Снорк.

— Ничего, сойдёт, — сказал Муми-тролль. — Это замечательная песенка со свистом.

Снусмумрик заиграл, и все хором подхватили припев:

Мы кутили, мы гуляли,
Мы плясали, трали-вали!
Скоро пять.
Одинок по дорожке
Мы бредём, устали ножки
Дом искать.

Фрёкен Снорк положила голову на плечо Муми-троллю и немножко всплакнула.

— Ведь это про нас поётся, — всхлипывала она. — Ведь это у нас такие маленькие усталые ножки, и ещё неизвестно, доберёмся ли мы до дому!

— Доберёмся, — уверенно отвечал Муми-тролль. — Не плачь! Мы придём домой, и мама даст нам обедать и скажет: «Подумать только, вы вернулись живы-здоровы!» А мы скажем: «Ты не можешь себе представить, что нам довелось пережить!»

— А у меня будет ножной браслет из жемчужин, — прошептала фрёкен Снорк и вытерла слёзы. — А одну жемчужину мы оставим тебе на булавку для галстука.

— Ладно, — сказал Муми-тролль. — Хотя я так редко ношу галстук!

А Снусмумрик играл песни, одну за другой, и теперь это были сумеречные колыбельные песни и прощальные, и один за другим мелкие лесные жители и водяные потянулись обратно в лес.

Древесные духи спрятались в своих жилищах, а фрёкен Снорк уснула с зеркальцем в лапах.

Наконец песни смолкли, и на лужайке стало тихо. Светлячки погасли, начало медленно-медленно светать.

Глава десятая

Пятого октября не пели птицы, а солнце светило так слабо, что его едва было видно.

Зато комета над лесом выросла до размеров колеса и была окружена огненным венцом. У Снусмумрика пропала всякая охота играть.

Он шёл молча и размышлял. «Таким мрачным я давно уже не бывал, — думал он. — Понятно, после большой пирушки всегда бываешь чуточку не в духе, только сейчас это что-то другое. Противно, когда в лесу нет никаких звуков, а солнце какое-то серое».

Другие тоже почти не разговаривали. У Сниффа болела голова, и он всё время скулил.

Они шли напрямки к долине, не жалея натруженных танцами ног. Лес постепенно редел, и вот перед ними открылись пустынные песчаные дюны. Мягкие холмы песка и опять песка, да кое-где сизовато-серые пучки дикого овса.

— Я что-то не чую запаха моря, — сказал Муми-тролль и потянул носом воздух. — Уф, как жарко!

— Может, это пустыня? — высказался Снифф.

Брести по рыхлому песку то в горку, то под горку было тяжело, дюны шли одна за другой.

— Смотрите! — воскликнул снорк. — Вон хатифнатты!

Вдали по дюнам двигались маленькие вечные странники, устремив к горизонту застывшие взгляды.

— Они идут на восток, — сказал Снорк. — Не лучше ли последовать за ними? Ведь они по себе чувствуют, куда надо.

— Нет, нам надо на запад, — сказал Муми-тролль. — Долина там.

— Как хочется пить! — хныкал Снифф. Ему никто не отвечал.

Усталые и унылые потащились они дальше.

Мало-помалу дюны становились всё ниже. Вот путешественники пересекли пояс морских водорослей, мерцавших в красном свете кометы. Вот они прошли по мелкой гальке и...

— Боже мой! — сказал Муми-тролль.

Они стояли рядом друг возле друга и смотрели.

Там, где должно было быть море — море с мягкими синими волнами и бегущими по нему парусами, — там зияла теперь громадная пропасть. Где-то на огромной глубине клокотало, оттуда поднимался горячий пар и странные едкие запахи. Прямо под ногами берег срывался вниз, в пропасти с острыми краями, и дна их не было видно.

— Муми-тролль, — слабым голосом сказала фрёкен Снорк. — Неужели море высохло?

— А рыбы как же?.. — прошептал Снифф.

Снорк достал свою тетрадь и принялся что-то быстро строчить.

А Снусмумрик сел, подпёр голову лапами и запричитал.

— Ах, прекрасное море! Нет его! Пропало! Не ходить нам больше под парусами, не купаться, не ловить больших щук! Нет больше яростных бурь, нет прозрачных льдов, нет мерцающей ночной воды, в которой отражаются звёзды!

Он уткнулся головой в колени и не хотел больше глядеть на белый свет.

— Но ведь нам надо на ту сторону, — сказал Снорк. — Обойти эту пропасть до послезавтра мы не успеем!

Все молчали.

— Давайте проведём собрание, — продолжал Снорк. — Назначаю себя председателем. Какие у нас есть возможности?

— Перелететь, — сказал Снифф.

— Не валяй дурака, — сказал Снорк. — Предложение отвергается единогласно. Кто дальше?

— Перейти, — сказал Муми-тролль.

— Ты глуп, — сказал Снорк. — Мы будем проваливаться в каждую дыру и захлебнёмся в грязи, Предложение отвергается.

— Тогда предложи что-нибудь сам, — сердито сказал Муми-тролль.

В эту минуту Снусмумрик поднял голову.

— Ходули, — сказал он.

— Ходули? — переспросил Снорк. — Предложение...

— Это хорошее предложение, — поспешно сказал Снусмумрик. — Помните, я рассказывал вам о вулкане? Раз можно пройти через огонь, то и через воду можно пройти. Вы только подумайте, какие шаги можно делать на ходулях!

— Но ведь это, наверно, ужасно трудно, — сказала фрёкен Снорк.

— Придётся поупражняться, — сказал Снусмумрик, заметно взбодрившись. — Дело только за ходулями.

Прежде, когда море выбрасывало на берег обломки разбитых кораблей, тут был залив и повсюду лежали брёвна, свитки берёсты и тростник. Сделать из этого ходули не составляло никакого труда, стоило найти какую-нибудь морскую вежу, черенок от метлы, флагшток или остатки трапа.

— Смотрите, что я нашла! — весело воскликнула фрёкен Снорк. — Гладенький берестяной свиток и бутылку с позолоченным горлышком, прямо из Мексики!

— Так-так, — сказал её брат. — А теперь соберись с духом — и на ходули!

Скоро выяснилось, что наибольшим талантом в этом искусстве обладает фрёкен Снорк. Она с опасностью для жизни раскачивалась на ходулях, но ни разу не потеряла равновесия; она всё время пищала, но была намного отчаяннее других. Казалось, будто она исполняет на ходулях какой-то фантастический танец.

Снусмумрик уверенно прохаживался перед ними и давал указания.

— Шире шаг! — кричал он. — Сохранять самообладание! Не забывайте о равновесии и смотрите не ступайте в грязь, не то завязнете и кувырнётесь носом... Ну что ж, отправимся? Уверены вы в своих силах?

— Нет ещё! — крикнул Снифф, опасливо косясь на бездну. — Мне ещё надо чуточку, совсем чуточку подучиться...

— У нас нет времени! — сказал Снорк.

Один за другим, с ходулями под мышкой, они стили спускаться в бездну. Они оступались и оскользались на склизких морских водорослях и насили различали друг друга сквозь пар.

— Держитесь вместе! — кричал Снусмумрик. — Осторожней!

Мало-помалу склоны стали более пологими, и перед ними открылось мёртвое морское дно. Выглядело оно плачевно.

Все красивые водоросли, которые раньше гордо колыхали кронами в прозрачной зелёной воде, лежали теперь чёрные и распластанные, а в немногочисленных лужах жалко трепыхались рыбы.

Повсюду задыхались в песке медузы и разная мелкая рыбёшка. Фрёкен Снорк носилась по дну и сталкивала их в ямы, заполненные водой.

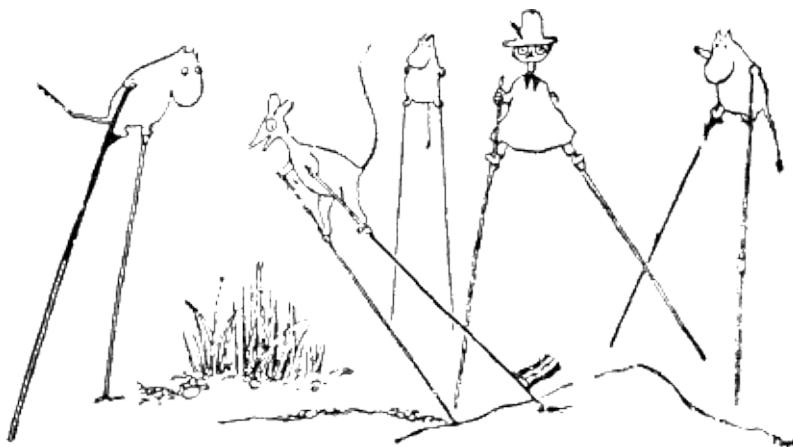
— Вот так, вот так, — приговаривала она. — Сейчас вам сразу станет хорошо...

— Золотко моё, — сказал Муми-тролль, — мне очень жаль, но мы не можем спасти всех рыб.

— Да, но нескольких-то можно, — вздохнула фрёкен Снорк. Затем встала на ходули и последовала за остальными.

— Здесь совсем как в том краю с горячими ключами, — сказал Снусмумрик, вглядываясь в туман. Комета сквозь водяной пар казалась необычайно большой; она то вспыхивала, то тихо мерцала.

— Здесь дурно пахнет! — заныл Снифф. — Помните, вы делаете это на свою голову!

Словно маленькие длинноногие насекомые, они всё дальше уходили в глубину моря. Местами прямо из песка вздымались громадные чёрно-зелёные скалы. Их вершины прежде были маленькими островками или шхерами, куда выезжали прогулочные лодки и вокруг которых плескались в воде ребятишки.

— Никогда больше не буду купаться на глубокой воде, — содрогаясь, сказал Снифф. — Подумать только что всё это было у меня под животом!

И он заглянул в чёрную расщелину, всё ещё полную воды, в которой кишела таинственная жизнь.

— Но ведь это почти красиво, — неуверенно произнёс Снусмумрик. — К тому же одно сознание, что никто ещё не был тут до нас...

— Смотрите! — вдруг закричал Снифф. — Сундук! Сундук с драгоценностями! Откопаем?

— Не тащить же его с собой, — сказал Снорк. — Пусть лежит. Мы наверняка найдём что-нибудь почище, пока будем идти по дну.

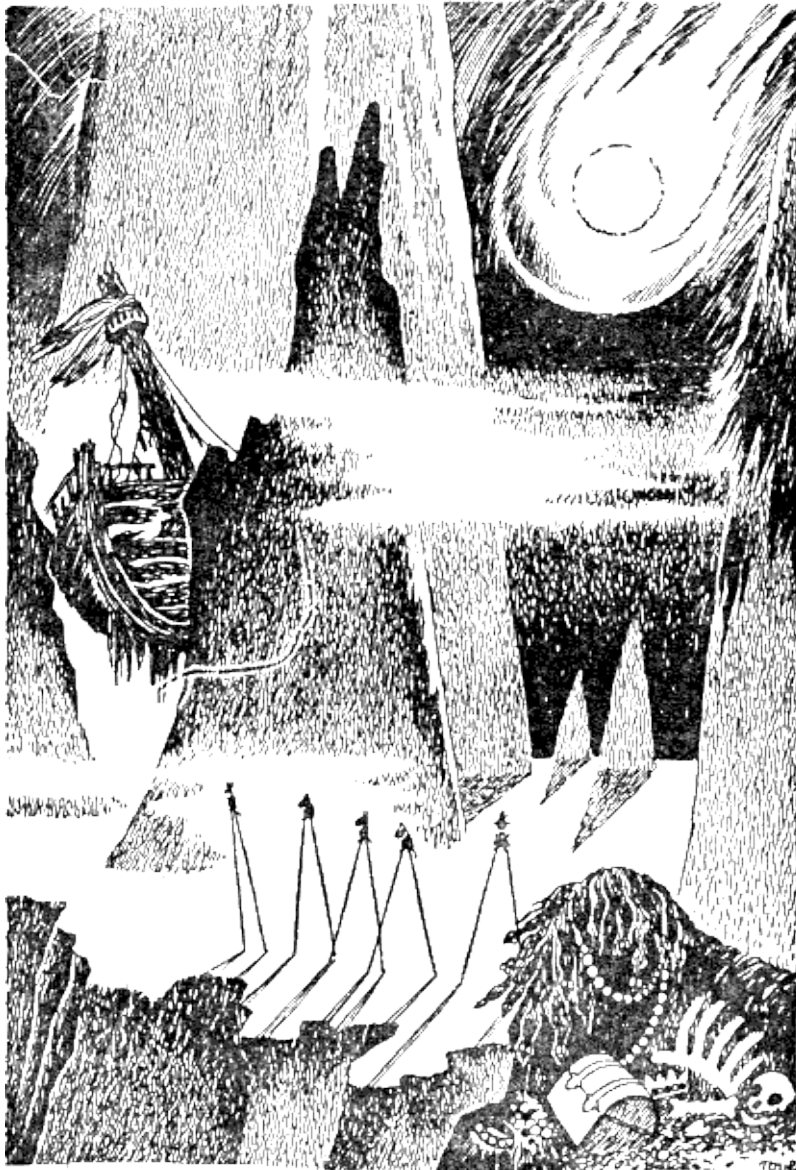
Они проходили среди острых чёрных скал и были вынуждены двигаться очень осторожно, чтобы ходули не застряли. Внезапно в туманной мгле завиднелось что-то страшно огромное и уродливое.

— Что это? — спросил Муми-тролль и остановился так резко, что чуть было не кувырнулся носом в землю.

— Вдруг кто-нибудь кусачий, — опасливо сказал Снифф.

Они сделали небольшой крюк и приблизились опасному существу с другой стороны.

— Да это корабль! — воскликнул Снорк. — Самый настоящий затонувший корабль!

Как жалко он выглядел, этот бедный корабль! Его мачта была сломана, а продавленные бока покрыты водорослями и ракушками. Морские течения давно сорвали с него паруса и оснастку, а золочёная фигура на косу

потемнела и растрескалась.

— Как по-вашему, есть там кто-нибудь? — шёпотом спросила фрёкен Снорк.

— Они наверняка спаслись в шлюпках, — сказал Муми-тролль. — Пойдёмте отсюда! Слишком всё это печально!

— Постойте, — сказал Снифф и соскочил с ходулей.

— Вон там что то блестит. Наверное, золото... Мало тебе гранатов и ящера! — крикнул Снусмумрик. — Пусть лежит!

Но Снифф уже нагнулся и вытащил из песка кинжал с золотой рукояткой, отделанной бледными опалами, от которых клинок мерцал, как от лунного света. Снифф поднял свою находку высоко над головой и засмеялся от счастья.

— Ах, как красиво! — воскликнула фрёкен Снорк и разом забыла все наказания Снусмумрика про равновесие. Она качнулась вперёд, потом назад, она издала душераздирающий писк и разжала руки, а потом прочертила над остовом корабля дугу и исчезла во мраке трюма.

Муми-тролль бросился к кораблю и стал карабкаться наверх по ржавой якорной цепи.

— Где ты? Где ты? — в страхе звал он.

Он проехался по толстому слою скользких водорослей, выросших на палубе, и заглянул в чёрное чрево судна.

— Я здесь! — пискнул слабый голосок.

— Ты не ушиблась? — спросил Муми-тролль.

— Нет, только испугалась, — ответила фрёкен Снорк.

Муми-тролль спрыгнул в трюм. Там стояла по пояс вода и противно пахло плесенью.

— Ох уж этот Снифф! — сказал Муми-тролль. — Всё бы ему бегать за всем, что светится и блестит!

— А я так его понимаю, — возразила фрёкен Снорк. — Что может быть чудеснее драгоценных камней? Ну и золота, конечно... Может, тут есть что-нибудь, как по-твоему?

— Здесь так темно, — боязливо отвечал Мумии-тролль. — Я буду не знаю как рад, если мы сейчас же выберемся наверх.

— Хорошо, — сказала фрёкен Снорк. — Помоги мне подняться.

И Муми-тролль посадил её на край люка. Первым делом фрёкен Снорк посмотрела, не разбилось ли зеркальце, но, слава богу, стекло было цело и все рубины на месте.

Вторым делом она принялась рассматривать в зеркальце свою намокшую чёлку и тут вдруг увидела: за спиной Муми-тролля, в чёрной глубине трюма, что-то шевелится. Что-то тихонько подбирается к нему ближе и ближе...

Она уронила зеркальце на палубу и вскрикнула:

— Берегись! Позади тебя кто-то есть!

Муми-тролль глянул через плечо и обомлел. Перед ним была огромная каракатица; она медленно подкрадывалась к нему из угла трюма. Он стал отчаянно карабкаться вверх; фрёкен Снорк протянула ему лапу, но он сорвался со скользких досок и плюхнулся обратно в воду. Тут на палубу подоспели Снусмумрик, Снорк и Снифф. Они просунули в трюм ходули и стали отгонять каракатицу, но она не обращала на них внимания и упорно подползала всё ближе, протягивая к Муми-троллю извивающиеся щупальца.

И тут фрёкен Снорк пришла в голову блестящая мысль.

Она схватила в руки зеркальце и поймала в него красный диск кометы. Прежде ей не раз случалось пускать зайчики, и она знала, какие они противные, когда попадают тебе в глаза. И вот она направила красный сверкающий луч прямо в глаза каракатице.

Та замерла на месте, та испугалась... А Муми-тролль, воспользовавшись её замешательством и слепотой, вскарабкался по ходулям наверх и снова оказался в безопасности среди друзей.

Они спрыгнули с ужасного корабля и припустили во все ходули. Они бежали несколько морских миль, прежде чем решились передохнуть.

И тогда Муми-тролль сказал:

— Фрёкен Снорк! Ты спасла мне жизнь! Да ещё таким хитроумным способом!

А фрёкен Снорк зарделась от удовольствия, потупила глазки и

прошептала:

— Я так рада угодить тебе... Я готова спасти тебя от каракатиц по нескольку раз на дню.

— Золотко моё! — сказал Муми-тролль. — Тебе не кажется, что это уж чуточку чересчур?

Дно здесь устилал мелкий ровный песочек, по которому можно было идти без ходулей. А раковины были не мелкие и заурядные, как на побережье, а огромные с зубцами и завитушками, самых необыкновенных расцветок — пурпурно-красные, сумрачно-голубые и зелёные, как морская волна.

Фрёкен Снорк задерживалась чуть ли не перед каждой раковиной, любовалась ими и вслушивалась в шум моря, который они хранили в себе.

— Ракушки как ракушки, — торопил её Снорк. Так мы никогда не доберёмся до места!

Среди раковин расхаживали большие крабы и вели дискуссию. Они удивлялись, куда ушла вся вода и когда она вернётся.

— Слава богу, мы не медузы! — говорил один из крабов. — Эти бедняги шагу не могут ступить без воды. А нам и на суше неплохо!

— Жалко мне всех, кто не крабы, — говорил другой. — Очень может быть, всё это устроено только для того, чтобы нам стало просторнее!

— А что, это интересная идея! Земля, населённая одними крабами! — вещал третий, задумчиво помавая клешней.

— А ну-ка, подпусти им зайчика! — шёпотом попросил Муми-тролль.

Фрёкен Снорк поймала в зеркальце комету, и её слепящие отблески заиграли в глазах у крабов. Поднялась несусветная суматоха. Крабы сталкивались друг с другом, боком скакали по песку и пря — тали головы под камни.

— Вот я и развеялся, — сказал Муми-тролль. — Прямо камень с сердца. А ну-ка сыграй что-нибудь, Снусмумрик!

Снусмумрик достал губную гармошку, но не смог извлечь из неё ни звука. Паром выдуло из неё все ноты.

— Плохо дело, — огорчённо сказал он.

— Ничего, пана исправит, дай только доберёмся до дому, — сказал Муми-тролль. — Папа всё может исправить, если только захочет.

Весь день они шли среди пустынного морского ландшафта, который с сотворения мира лежал под толщей воды.

— А что, в этом есть что-то такое... многозначительное — шагать вот так по дну моря, — разглагольствовал Снорк. — Возможно, мы находимся сейчас где-то около самой глубокой его части.

Местность круто пошла под уклон и вдруг сорвалась в пропасть, полную пара и мрака. Быть может, там вовсе не было дна... Быть может, там внизу притаились в грязи самые большие океанские каракатицы — чудовища, которых ещё никто никогда не видал.

Путники бочком, в полном молчании обошли, пропасть и прибавили шагу. Уже начинало вечереть.

А фрёкен Снорк несколько раз оглянулась назад, потому что на краю пропасти лежала, мерцая, самая большая и самая красивая раковина моря.

Она была окрашена в нежно-бледные тона, какие можно встретить лишь на самых больших морских глубинах, куда не проникает солнечный свет, а изнутри мерцала темно и заманчиво. Она лежала и тихонько напевала про себя древние песни океана.

— Ах! — вздохнула фрёкен Снорк. — Как бы я хотела жить в этой раковине! Как бы я хотела забраться внутрь и посмотреть, кто это там шепчет!

— Это море так шепчет, — сказал Муми-тролль. — От каждой волны, которая умирает на берегу, в какой-нибудь раковине рождается маленькая песня. Ну, а забираться внутрь нельзя — там лабиринт, и ещё неизвестно, найдёшь ли дорогу обратно.

На морское дно пали сумерки, и теперь все старались поближе держаться друг к дружке.

Стояла необычайная тишина. Всё было мягкое и мокрое. Не слышно было знакомых звуков, которые так оживляют вечера на суше: шарканья торопящихся домой ног, шелеста листвы на ветру, пения птиц или шороха выкатившегося из-под ноги камня.

Страшно было развести костёр, страшно было улечься спать среди всех тех неведомых опасностей, которые могли подстерегать их здесь.

В конце концов они решили заночевать на вершине скалы высотой с ходулю.

Чтобы спать спокойнее, договорились дежурить по первую вахту и решил отдежурить также и за фрёкен Снорк.

Все тесно прижались друг к дружке и заснули, а он сидел и обзирал пустынное морское дно. По песку, залитому красным светом кометы, угрожающе стлались чёрные тени скал. Глубокая печаль охватила Мумитролля при виде этого мрачного ландшафта, и он живо представил себе, как, должно быть, испугалась Земля, увидев приближающийся к ней огненный шар.

Он думал о том, как сильно он любит всё — лес и море, дождь и ветер, солнце, траву и мох — и что жить без всего этого никак нельзя!

«Ничего, — думал он. — Уж мама-то знает, как всё это спасти».

Глава одиннадцатая

Проснувшись утром, Снифф перво-наперво сказал:

— Завтра она достигнет Земли.

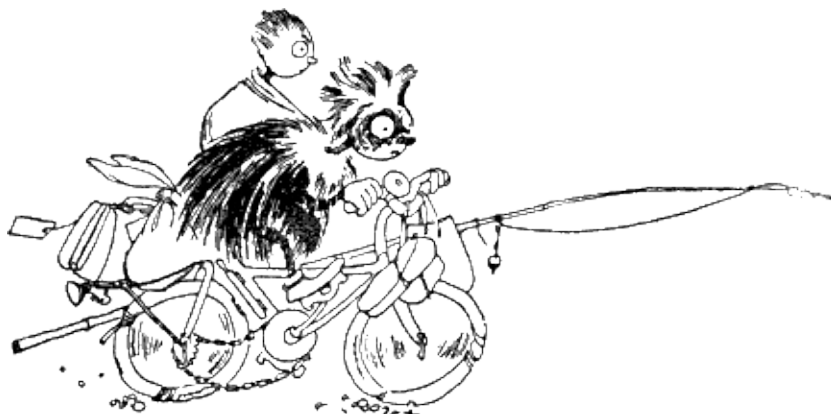
Комета стала ужасающе огромной. Теперь вокруг неё отчётливо виднелась корона из дрожащих огненных языков. Весь пар улетучился от зноя, и морское дно хорошо просматривалось на многие мили вперёд. К берегу оно начало постепенно повышаться. Идти оставалось недалеко. Сегодня даже фрёкен Снорк не останавливалась полюбоваться раковинами, а Снифф ни разу не пожаловался, что у него устали ноги.

Вот вдали завиднелась какая-то полоска, она становилась всё шире и шире. Это была опушка леса, настоящие зелёные деревья!

Через некоторое время путешественники стали различать берёзы и ели, морское дно круче пошло вверх. Они отбросили ходули и побежали.

— Теперь-то уж до долины недалеко! — воскликнул Муми-тролль и начал карабкаться вверх по береговой круче.

Снорк стал насвистывать, а фрёкен Снорк торопливо сорвала несколько цветков и пристроила себе за ухо. Затем они пошли напрямик к долине.

По пути им встретился домовый на велосипеде. Он весь взопрел и покраснелся (домовой, видите ли, пожизненно обречён носить на себе свою шубу). Багажник велосипеда был завален саквояжами, на руле болтались узлы и пакеты, а за спиной домовый вёз в мешке сына.

— Переезжаешь? — крикнул ему Снифф.

Домовой слез с велосипеда и поспешно сказал:

— Все жители Муми-дола снимаются с места. Я не знаю никого, кто

хотел бы остаться и дожидаться кометы.

— А откуда известно, что она ударится о Землю именно там? — спросил Снорк.

— Так сказал Ондатр, — ответил домовый.

— Как бы там ни было, папа и мама не съедут, — сказал Муми-тролль. — Да, кстати, мама просила тебе кланяться.

— Спасибо, спасибо, — сказал домовый. — Передавай привет твоей бедной маме. Возможно, это будет ей последний привет от меня. Но ты можешь не поспеть вовремя...

— Что ты хочешь сказать? — спросил Муми-тролль.

— Я хочу сказать, что вам ещё, остаётся изрядный кусок пути, — пожал плечами домовый. — И на всякий случай следовало бы попрощаться телеграммой. Я могу отправить за вас телеграмму, если мне попадётся по пути почтовое отделение.

— Тогда уж на художественном бланке, — сказал Муми-тролль.

— Если успею, — ответил домовый, вскакивая на велосипед. — Да хранит вас покровитель всех троллей!

И домовый что есть силы покатил дальше, спасаться от кометы.

Они постояли немного, глядя вслед удаляющемуся родственнику (видите ли, домовый — это тоже тролль, только по домашним делам).

— Саквояжи! — сказал Снусмумрик. — Узлы! И так спешить по жару. Бедняга!

Им встречались толпы беженцев. Большинство шло пешком, но некоторые ехали в тачках или в тележках, а иные даже везли с собой целый дом.

Все в страхе поглядывали на небо, и почти никто не находил времени остановиться поболтать.

— Чудно́, — сказал Муми-тролль. — Мы направляемся в самое опасное место и боимся меньше, чем те, кто бежит оттуда.

— Конечно, это оттого, что мы ужасно храбрые, — сказал Снифф.

— Ты так думаешь? — сказал Муми-тролль. — А мне кажется, это оттого, что мы лучше знаем комету. Мы первые узнали о том, что она летит к Земле. Мы видели, как она росла из малюсенькой точки... Наверное, она страшно одинока. Представьте, как одиноко себя чувствуют те, кого все боятся.

Фрёкен Снорк вложила свою лапу в лапу Мумии-тролля и сказала:

— Ну и пусть. Но пока тебе не страшно, мне тоже не страшно.

В час завтрака они повстречали какого-то хемуля; он сидел на обочине, держа в охапке альбом с почтовыми марками.

— Буза, беготня... — бормотал Хемуль себе под нос. — Повсюду шумные толпища, и никто не желает объяснить, что, собственно, происходит.

— Добрый день, — сказал Муми-тролль. — Вы, дяденька, случайно не родственник Хемулю в Одиноких Горах? Тому, что с сачком?

— Он мой двоюродный брат по отцу, — сердито ответил Хемуль. — Осёл, каких мало. Но мы с ним больше не родственники: я прекратил с ним всякие отношения.

— Почему? — спросил Снифф.

— Он ничем не интересовался, кроме своих тухлых бабочек, — ответил Хемуль. — Ему хоть земля тресни под ногами, он всё равно ничего не заметит.

— Именно это она теперь и намерена сделать, — заметил Снорк. — Точнее говоря, завтра вечером, в восемь часов сорок две минуты.

— Ась? — переспросил Хемуль. — Так вот, как я уже сказал, тут поднялась ужасная буза. Я целую неделю приводил в порядок свои марки, просмотрел все опечатки и водяные знаки — и что же получается? У меня отнимают стол, за которым я работаю! Из-под меня выдёргивают стул! И в конце концов заколачивают весь дом. И вот я сижу здесь, мои марки в полном беспорядке, и никто не желает мне растолковать, в чём дело.

— Слушай, Хемуль, — медленно и внятно произнёс Снусмумрик. — Дело в том, что на нас летит комета, завтра она столкнётся с Землёй.

— Столкнётся? — переспросил Хемуль. — А это имеет какое-нибудь отношение к коллекционированию марок?

— Нет, не имеет, — сказал Снусмумрик. — Речь идёт о комете, понимаешь? Это такая сумасшедшая звезда с хвостом. Если она грохнется на Землю, от твоих марок мало что останется.

— Боже упаси! — сказал Хемуль, подбирая юбки. (Ибо хемули всегда ходят в юбках, неизвестно почему. Быть может, они просто никогда не задумывались над тем, как это — носить брюки.) — Что же делать?

— Пойдём с нами, — сказала фрёкен Снорк. — Мы знаем хороший грот, ты спрячешься там со всеми твоими марками.

И Хемуль пошёл с ними на запад, к Муми-долу. Один раз им пришлось вернуться на несколько километров назад и отыскивать драгоценную опечатку, выпавшую у Хемуля из альбома, а один раз он поссорился со Снорком (Снорк-то утверждал, что это был диспут, хотя все отлично слышали, что это ссора), они и сами толком не знали из-за чего. Но в общем и целом все отлично поладили с Хемулем.

Они давно уже оставили большую дорогу и шли по родным лесам, как вдруг Снифф остановился и повёл носом в воздухе.

— Слышите? — спросил он.

Откуда-то издалека доносился слабый шелест, что-то вроде пения со свистом. Он приближался, нарастал, гремел, как целый оркестр.

Фрёкен Снорк судорожно схватила Муми-тролля за лапу.

— Смотрите! — крикнул Снифф.

Багровое небо внезапно затмила чёрная туча. Она летела, она снижалась, она пикировала прямо на лес!

— Да ведь это кузнечики! — воскликнул Снорк. Казалось, будто деревья ожили. Они шевелились и ворошились, они кишмя кишели прыгающими, карабкающимися кузнечиками.

— Они что, с ума сошли? — прошептала фрёкен Снорк.

— Мы едим! — ответил кузнечик, что был поближе.

— Мы едим! — протянул другой.

— Мы едим! — заскрежетали сотни тысяч миллионов кузнечиков, с невероятной быстротой изгрызая листья, траву, цветы.

— Час от часу не легче, — сказал Хемуль. — Надеюсь, они не едят альбомы с марками?

— Раньше они никогда так себя не вели, — сказала фрёкен Снорк.

— Это саранча из-за границы, — объяснил Снорк. Дикая саранча из Египта.

Жутко было смотреть, как саранча объедает лес. Через некоторое время бедные деревья уже тянули к небу голые ветви, а земля была черна и нага. Уцелел лишь цветок за ухом фрёкен Снорк.

— Кометы обычно всегда вызывают катастрофы, — торжественно изрек Снорк.

— А что это такое — катастрофа) — спросил Снифф.

— О, это всё, что угодно, ужасное: стаи саранчи, землетрясения, наводнения, ураганы и так далее, — ответил Снорк.

— Иначе говоря, буза, — сказал Хемуль. — . Никогдато тебя не оставят в покое.

— Как там, в Египте? — спросил Снифф у кузнечика, что был поближе.

— Голодно! — ответил кузнечик. — Сильные ветры! Берегитесь сильных ветров, которые летят за нами!

— Мы поели! — пропели кузнечики.

Они с шелестом поднялись в воздух; туча снова затмила небо и понеслась над пустым голым лесом, который был теперь даже ещё непригляднее, чем зимой.

Молчаливые и печальные, двинулись путники дальше.

А Муми-тролль впервые за всё время усомнился, поспеют ли они вовремя домой.

— Сыграй что-нибудь грустное, Снусмумрик, — попросил он. — Сыграй «Трали-вали», у меня сейчас такое настроение.

— Да ведь гармошка-то неисправна, — возразил Снусмумрик. — Только несколько нот и возвратились.

— Всё равно сыграй, — просил Муми-тролль.

И Снусмумрик сыграл:

Мы кути... мы гуля...

..... трали-ва...

..... пять.
Одиноко.....
..... устали...
..... искать!

— Это звучит ужасно, — сказал Хемуль.

И они побрели дальше на своих усталых маленьких ножках.

А в далёком Египте летел через пустыню неистовый смерч на чёрных крыльях.

Он грозно ревел, проносясь над землёй, он закручивал в воздухе столбы песка, он рос и набирал силу. Скоро он уже ломал деревья, срывал крыши с домов. Он перебрасывался с одного побережья на другое, он летел всё дальше на север и так добрался до тех краёв, где лежал Муми-дол.

Снифф, у которого были длинные уши, первым услышал его.

— Опять саранча, — сказал он. — Только эта опоздала к обеду.

Все задрали носы и прислушались.

— Нет, — сказала фрёкен Снорк. — Теперь это буря. Первые вестники смерча с рёвом пронеслись по опустошённому лесу. Они сорвали с Муми-тролля медаль и закинули её на верхушку сосны, они вихрем завертели Сниффа и чуть не сорвали шляпу со Снусмумрика.

Хемуль изо всех сил вцепился в свой альбом, и юбки вздулись вокруг него, словно воздушный шар.

Упираясь и спотыкаясь, они пролетели по ветру через лес прямо на торфяное болото.

— Во всяком случае, мы летим в нужном направлении! — весело сказал Муми-тролль.

— Какая досада! — проговорил Снорк. — Такой отличный попутный ветер, а мы не можем им воспользоваться по-настоящему.

— Вот если б у нас был планёр... — сказал Муми-тролль.

— Или воздушный шар, — сказала фрёкен Снорк.

В эту минуту к ним подлетел маленький гадкий смерчонок, схватил альбом с марками и вихрем закрутил его в воздухе. Бедный Хемуль вскрикнул от ярости и испуга и бросился за своим сокровищем. Ветер раздул его широкие юбки; они захлопали, затрепыхались, и Хемуль, как бумажный змей, воспарил над землёй.

— Идея! — воскликнула фрёкен Снорк. — Надо прицепиться к Хемулю и лететь вместе с ним!

Они нашли его через несколько километров, Он застрял в кусте.

— Милый Хемуль, — сказал Снорк, — мы тебе ужасно сочувствуем. А ты не одолжишь ли нам на немножко свою юбку? Мы сделаем из неё воздушный шар.

— Мои марки! — вопил Хемуль. — Моя коллекция, дело моей жизни! Ценная, уникальная, незаменимая! Самая ценная на свете.

— Послушай, — сказал Снорк. — Сними на немножко своё платье.

— Ась? — спросил Хемуль. — Снять платье?

— Ну да! — хором закричали все. — Мы сделаем из него воздушный шар и спасёмся!

Хемуль прямо-таки побагровел от гнева.

— Я сижу и горюю, — сказал он. — Из-за всей вашей бузы меня постигло страшное несчастье, а теперь вы ещё хотите оставить меня без одежды!

— Нам нужен парус, — стала объяснять фрёкен Снорк. — Мы должны успеть домой раньше кометы. Если ты окажешь нам эту любезность, мы поищем твой альбом с марками... Ну, когда-нибудь потом...

— Начхать мне на вас и на вашу комету! — сказал Хемуль. — Много вы понимаете в марках!

Но тут все разом набросились на Хемуля и через голову стащили с него платье. Это было платье с оборками, доставшееся ему в наследство от тётушки. Когда связали рукава, получился отличный воздушный шар.

Всё произошло в последнюю минуту, потому что с горизонта уже налетал смерч. Он имел вид спиралеобразного вращающегося облака, он с рёвом крутился над лесом и ломал деревья, как спички.

— Держись крепче! — крикнул Муми-тролль. Все что есть сил ухватились за оборки платья и для верности связались хвостами. И вот смерч налетел! В мгновение ока их поглотила ревущая, клубящаяся тьма. Платье Хемуля взмыло ввысь и со страшной быстротой понеслось на восток. Немного погодя его уже никто не мог бы увидеть.

В сумерки смерч выдохся и завязался узелком на самом себе.

Воздушный шар плавно снизился и застрял в кроне дерева. Шесть ошалелых путешественников медленно расползлись по веткам и долго сидели, приходя в себя. Наконец Муми-тролль произнёс:

— Мы целы или мне только так кажется?

— Я цел, — ответил Хемуль. — И я раз и навсегда заявляю, что отказываюсь участвовать во всех ваших штуках. Если вам охота бузить, бузите без меня.

— Моё зеркальце цело, — сказала фрёкен Снорк.

— И шляпа с гармошкой тоже, — сказал Снусмумрик.

— А мою тетрадь унесло, — мрачно сообщил Снорк. — Ту самую, в которой записано, как спастись от комет. Как же мы без неё?

— Где Снифф? — тревожно спросил Муми-тролль.

— Я здесь! — пропищал из мрака тоненький голосок. — Если только это я, а не какая-нибудь дрянь, подхваченная смерчем...

— Уж как не ты, — сердито сказал Хемуль. — Попробуй от тебя избавься! А теперь меня интересует вопрос, могу ли я получить обратно своё платье.

— Пожалуйста, и спасибо за выручку, — сказал Снорк.

Ворча себе что-то под нос, Хемуль через голову натянул платье.

— Терпеть не могу мятых оборок, — сказал он.

Должно быть, сразу после этого они заснули. А проснулись они лишь на другой день в двенадцать утра.

Глава двенадцатая

День седьмого октября был очень тихий и жаркий. Муми-тролль широко зевнул и вдруг громко захлопнул пасть. Глаза у него сделались совсем круглые и пустые.

— Сегодня, — сказал он.

— Комета, — прошептал Снифф.

Казалось, она заполнила собой всё небо и сверкала так ярко, что на неё было боязно взглянуть. Озарённый её дрожащим светом, лес стоял затаив дыхание и ждал.

Муравьи заползли в муравейники, птицы попрятались в гнёзда, каждая букашка нашла себе норку, ища спасения от кометы.

— Который час? — спросил Муми-тролль.

— Десять минут первого, — ответил Снорк. Больше никто ничего не сказал. Они слезли с дерева и пошли прямо на запад. Хемуль шёл и без конца брюзжал то из-за погибшего альбома с марками, то из-за помятого платья.

— Заткнись, — сказал Снорк. — Сегодня у нас есть заботы поважнее.

— Как по-твоему, она не опередит нас? — шёпотом спросила фрёкен Снорк.

— Нет, нет, — ответил Муми-тролль. — Не беспокойся.

Но он не смел поднять на неё глаз. Лес был тут зелёный и цветущий — саранча облетела стороной эти края. Местность понемногу понижалась, вокруг было полно синих полевых цветов.

— Хочешь цветок за ухо? — спросил Муми-тролль.

— Ой нет! — ответила фрёкен Снорк. — Я вся как на иголках, где уж тут думать об украшениях.

В это мгновение до них донёлся вопль Сниффа, который бежал впереди всех.

— Опять, наверное, какая-нибудь буза, — проворчал Хемуль.

— Эй! Гей! — кричал Снифф. — Скорее сюда! Бегом!

Он сунул лапы в рот и пронзительно засвистел. Муми-тролль пулей бросился к нему.

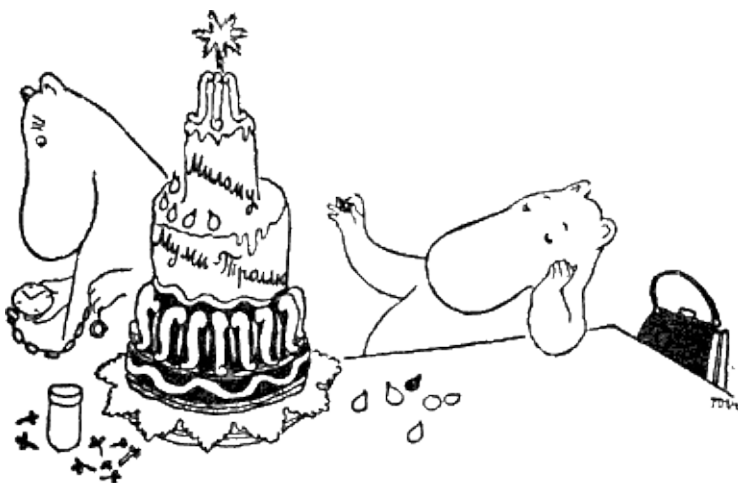
Но что это? Он принялся. В нос ему пахнул приятный запах свежесдобитых булок. Лес поредел — и Муми-тролль стал на месте как вкопанный.

Внизу под ним лежала родная долина. А посреди стоял их голубой дом — такой же голубой, такой же тихий и уютный, как и в тот день, когда он покидал его. А в доме его мама тихо-мирно пекла булки и пряники.

— Ведь я же говорил, что всё будет хорошо! — сказал Муми-тролль.

— А вон ваш новый мост! — воскликнула фрёкен Снорк. — А вон дерево, про которое ты мне говорил. Ах, какой чудесный у вас дом!

— Ещё бы! — гордо сказал Муми-тролль. И они начали спускаться в долину, голодные и полные ожидания.

Муми-мама стояла на кухне и украшала большой торт светло-жёлтыми сбитыми сливками и райскими грушами. На стенках торта красовалась надпись из шоколада: «Моему милому Муми-троллю», а на самой верхушке сияла сахарная звезда.

Муми-мама тихонько насвистывала про себя и нет-нет да и выглядывала в окошко.

Муми-папа беспокойно прохаживался из комнаты в комнату и без конца мешал.

— Им давно бы пора быть здесь, — говорил он. — Уже половина второго.

— Будут, будут, — успокаивала его Муми-мама. — Подержи-ка вот, я переставлю торт. Блюдечко вылизет Снифф, он это любит.

— Только бы он вернулся, — сказал Муми-папа и вздохнул.

В эту минуту вошёл Ондатр и сел на ларь для дров.

— Ну, как обстоят дела с кометой? — спросил Муми-папа.

— Она приближается, — сказал Ондатр. — Дети земные могут сетовать и страшиться, философ — никогда!

— Не хочешь пряничка? — спросила Муми-мама.

— Мм... пожалуй, можно штучку, — согласился Ондатр и, съев восемь, проговорил: — Кажется, вон там по склону прошёл Муми-тролль в весьма пёстрой компании.

— Муми-тролль? — вскрикнула Муми-мама. — Что же ты мне сразу не сказал!

И она бросилась на веранду, а с веранды в сад.

А они уже бежали по мосту! Сперва её любимый сын, потом Снифф, а за ними куча незнакомого народу.

Муми-тролль бросился в материнские объятия.

— Родной мой Муми-сын! — сказала Муми-мама. — Я так тебя ждала!

— А я дрался! — восхищённо заговорил Мумии-тролль. — С ядовитым кустом, и я победил! Руки у него так и отлетали — раз-раз! — и под конец остался один пенёк!

— И откуда только смелость взялась! — сказала мама. — А кто эта маленькая девочка?

— Это сестра Снорка, — ответил Муми-тролль. — Поклонись папе и маме, фрёкен Снорк!. Это её я спасал от ядовитого куста! А это мой лучший друг Снусмумрик. А это Хемуль, Он собирает почтовые марки.

— В самом деле? — любезно отозвался Муми-папа. — Ну-ну, в молодости я тоже собирал марки. Очень интересное хобби.

— У меня это не хобби, а профессия, — прошипел Хемуль. Он плохо выспался.

— Тогда я должен показать вам целый альбом, который принесло вчера ветром, — сказал Муми-папа.

— Альбом с марками? — оживился Хемуль. — Принесло ветром?

— Да, да, — подтвердила Муми-мама. — Я выставяла тесто, чтобы оно поднялось, а утром гляжу — в нём полно каких-то противных липких бумажек.

— «Противных липких бумажек»! — воскликнул Хемуль. — Они целы? Где они? Надеюсь, вы не выбросили их?

Муми-мама указала на перила веранды. Там аккуратно просушивался целёхонький альбом с марками.

Хемуль издал радостный вопль и бросился на веранду.

— Во́ как запрыгал, — сказал Снорк. — Небось не запрыгает так и от самой кометы.

— Ах да, комета... — озабоченно сказала Муми-мама. — Ондатр рассчитал, что она упадёт вечером прямо в наш огород. Так что я не стала пропалывать его.

— Предлагаю провести по этому поводу собрание, — вылез Снорк. — И, пожалуй, лучше в помещении, если хозяева не возражают.

— Конечно! Само собой разумеется! — сказал Муми-папа. — Входите, пожалуйста! Всё наше — ваше!

— Вы, надеюсь, не откажетесь От пряников? — сказала Муми-мама, расставляя на столе новый кофейный сервиз с розами и лилиями. — Ах, милые дети, как хорошо, что вы вернулись домой!

— А вы получили телеграмму от домового? — спросил Снифф.

— Да, — ответил Муми-папа. — Только буквы в ней стояли как попало, и всё больше восклицательные знаки. Домовой, как видно, нервничал, и ему было не до грамматики.

— Кофе подан! — крикнула в окно Муми-мама.

Но Хемуль только проворчал в ответ, что ему некогда: он разбирает свои почтовые марки.

— Итак, — сказал Снорк, — приступим к делу. К сожалению, я утратил свою тетрадь, где записаны правила спасения от комет. Но если

спокойно обдумать вопрос, станет совершенно ясно, что пункт первый правил гласит: найти хорошее место, где можно спрятаться.

— Зачем же начинать всё сначала? — сказала сестра. — Разве мы не договорились спрятаться в гроте Муми-тролля?

— И взять с собой все драгоценности! — крикнул Снифф, крепко сжимая в лапах золотой кинжал. — Кстати сказать, грот мой.

— Что вы говорите! — воскликнула Муми-мама. — У вас есть грот?

Тут Муми-тролль и Снифф пустились наперебой рассказывать о том, как они нашли грот, какой он мировой и как хорошо в нём можно спрятаться. Они старались переговорить друг друга, и Снифф опрокинул на скатерть чашку с кофе.

— Ай-яй-яй, — сказала Муми-мама. — Впрочем, не всё ли равно, раз Земля-то погибнет. Садись на коврик и вылизывай блюдечко из-под торта, дружок. Оно на столике для мытья посуды.

— Пункт второй, — сказал Снорк. — Разделение труда. Надо как можно скорее отнести в грот ценные вещи: ведь уже три часа. Мы с сестрой позаботимся о постельном белье.

— Прекрасно, — сказала Муми-мама. — Я захвачу банки с вареньем. А Муми-тролль пусть очистит комод.

И тут началась небывалая беготня, укладывание и переноска вещей.

Муми-папа складывал всё в тачку, а Муми-мама сновала по дому, отыскивая то бечёвку, то старые газеты.

Можно было подумать, тут замышляется бегство за границу или даже что похуже — так они спешили.

Раз за разом Муми-папа откатывал тачку через лес к берегу моря и вываливал её на песок. Муми-тролль и Снусмумрик на верёвке поднимали пожитки в грот, а остальные тем стременем отрывали всё, что только можно оторвать в Муми-доме, включая завитушки от шкафа и верёвочки от вьюшек.

— Ничегошеньки-то я тебе не оставлю, вредная комета, — пыхтела Муми-мама, волоча в гору ванну. — Снорк, дорогой, сбегай на огород, вытащи редиску. Всю-всю, даже самую мелкую. А ты, Снифф, отнеси в грот наш торт. Только смотри поосторожней!

Муми-папа с такой скоростью летел через мост, что тачка так и подпрыгивала.

— Не мешало бы поторопиться, — сказал он. — Скоро стемнеет, а ещё надо заделать потолок в гроте!

— Сейчас, сию минуту! — отвечала Муми-мама. — Вот только захвачу ракушки с клумб да комнатные розы, что получше...

— Всё это, к сожалению, придётся оставить, — сказал папа. — Садись в ванну, дорогая, и я мигом домчу тебя до грота. А где Хемуль?

— Считает марки, — ответила фрёкен Снорк.

— Эй, Хемуль! — крикнул Снорк. — Прыгай в ванну, а то скоро здесь так трахнет, что от твоих марок ничего не останется!

— Боже упаси, — сказал Хемуль и прыгнул в тачку с альбомом в охапке.

И Муми-папа доставил весь воз к гроту.

Мрачно было на морском берегу. Мёртвое и голое, лежало на виду дно моря. Небо было багровое, деревья задыхались от жары. Комета была совсем близко. Огромным, раскалённым добела шаром неслась она прямо к Муми-долу.

— А где же Ондатр? — испуганно спросила Муми-мама.

— Он не захотел с нами, — ответил Муми-папа. — Он сказал, бегать туда-сюда унижает его философское достоинство, и я оставил его в покое. Гамак я оставил ему.

— Так-так, — сказала Муми-мама. — Все философы такие чудачки! Ну-ка, посторонитесь, ребятки, папа поднимет ванну.

Муми-папа обвязал ванну в полтора оборота, и её потянули наверх к гроту.

— Майна! Вира! — покрикивали Муми-тролль, Снифф и Снусмумрик наверху.

— Вира! Майна! — вторили снизу Муми-папа и снорки, а Муми-мама сидела на берегу и вытирала вспотевший лоб.

— Такой тяжёлый переезд! — вздыхала она.

А Хемуль забрался в грот, сел в уголке и принялся разбирать свои опечатки.

— Вечно буза да беготня, — ворчал он про себя. — Ума не приложу, какой бес в них вселился.

А на берегу становилось всё жарче и всё темнее, время подвигалось к семи...

Ванна оказалась слишком велика и не проходила в грот, Снорк хотел провести по этому поводу собрание, но его пресекли — времени было в обрез. Ванну попросту взгромоздили на крышу грота, и очень кстати. Она закрыла дыру в потолке с точностью до четырёх сантиметров! Муми-мама постелила для всех на мягком песчаном полу, зажгла керосиновую лампу и завесила вход шерстяным одеялом.

— Ты думаешь, оно выдержит? — спросил Мумии-тролль.

— Постой-ка, — сказал Снусмумрик и достал из кармана маленькую бутылочку. — Вот немного подземного подсолнечного масла, о котором я говорил. Смажьте одеяло снаружи, и оно выдержит любой жар.

— А оно не оставит пятен? — с тревогой спросила Муми-мама.

В эту минуту перед гротом что-то заворошилось, задышало, и из-под краешка одеяла показался сперва нос, потом два блестящих глаза, а потом и весь Ондатр целиком.

— Ага, дяденька всё-таки пришёл! — сказал Снифф.

— Да, что-то жарко стало в гамаке, — ответил Ондатр. — Вот я и подумал, что в гроте-то, пожалуй, прохладнее будет.

И он с достоинством протопал в угол и уселся там.

— Теперь мы совсем готовы, — сказал Муми-папа. — Который час?

— Двадцать пять минут восьмого, — ответил Снорк.

— Тогда мы ещё успеем разесть торт, — сказала Муми-мама. — Куда ты его поставил, Снифф?

— Туда куда-то, — ответил Снифф и махнул рукой в угол, где сидел Ондатр.

— Куда — туда? — спросила Муми-мама. — Я его что-то не вижу. Ты не видел здесь торта, пророк?

— Вот уж не интересуюсь тортами, — ответил Ондатр, важно оправляя усы. — Я никогда их не вижу, не пробую и даже не дотрагиваюсь до них.

— Так куда же он делся? — изумлённо воскликнула Муми-мама. — Снифф, голубчик, не мог же ты съесть его, пока нёс!

— Ещё бы, такой огромный! — невинно заметил Снифф.

— Значит, ты всё-таки куснул от него? — вскипел Муми-тролль.

— Только самую верхушку, звезду, она была здорово твёрдая, — сказал

Снифф и юркнул под матрац.

— Фу-ты ну-ты, — сказала Муми-мама и опустилась на стул, вдруг почувствовав себя очень усталой. — Кругом сплошные неприятности.

Фрёкен Снорк критически оглядела Ондатра.

— А вы не встанете на минутку, дяденька? — сказала она.

— Зачем? Я сижу себе и сижу, — сказал Ондатр.

— Вы сидите на нашем торте! — сказала фрёкен Снорк.

Ондатр поспешно вскочил, и — о боже! — какой он имел задний вид! И какой вид имел торт!

— Вот это уж слишком так слишком! — крикнул Снифф, вылезая из-под матраца. — Наш торт!

— В мою честь, — мрачно заметил Муми-тролль.

— Теперь я останусь липкий на всю жизнь! — возмутился Ондатр. — И в этом вы виноваты!

— Да успокойтесь вы все! — воскликнула Муми-мама. — Неужели вы не понимаете, что это комета заставляет нас так нервничать. Ведь торт-то остался совершенно тот же, он только немножко видоизменился. А ну-ка, подходите ко мне с тарелками, и мы по справедливости разделим его!

И Муми-мама разрежала видоизменённый торт на девять совершенно равных частей, и каждый получил по куску. Потом она налила в умывальный тазик воды, и Ондатр уселся в него.

— Вы нарушили мой душевный покой, — сказал он. — В жизни мыслителя просто не должно случаться подобных вещей.

— Пустяки, — утешала его Муми-мама.

— Как — пустяки? Я не считаю, что это пустяки! — сказал Ондатр и съел большой кусок торта.

В гроте становилось всё жарче и жарче. Они сидели каждый в своём углу, вздыхали, говорили о том, что всем давно уже было известно, и ждали.

Вдруг Муми-тролль так и подскочил на месте.

— Мы забыли про Мартышку! — воскликнул он.

Муми-мама в ужасе заломила лапы.

— Её надо спасти! — продолжал Муми-тролль. — Кто знает, где она живёт?

— Она нигде не живёт, — сказал Муми-папа. — Боюсь, мы просто не успеем её разыскать.

— Не выходи сейчас, милый Муми-тролль, прошу тебя, — сказала фрёкен Снорк.

— Я должен, — твёрдо отвечал Муми-тролль. — Ну, пока!

— Возьми мои часы, чтобы следить за временем, — сказал Снорк. — И поторопись! Уже четверть девятого!

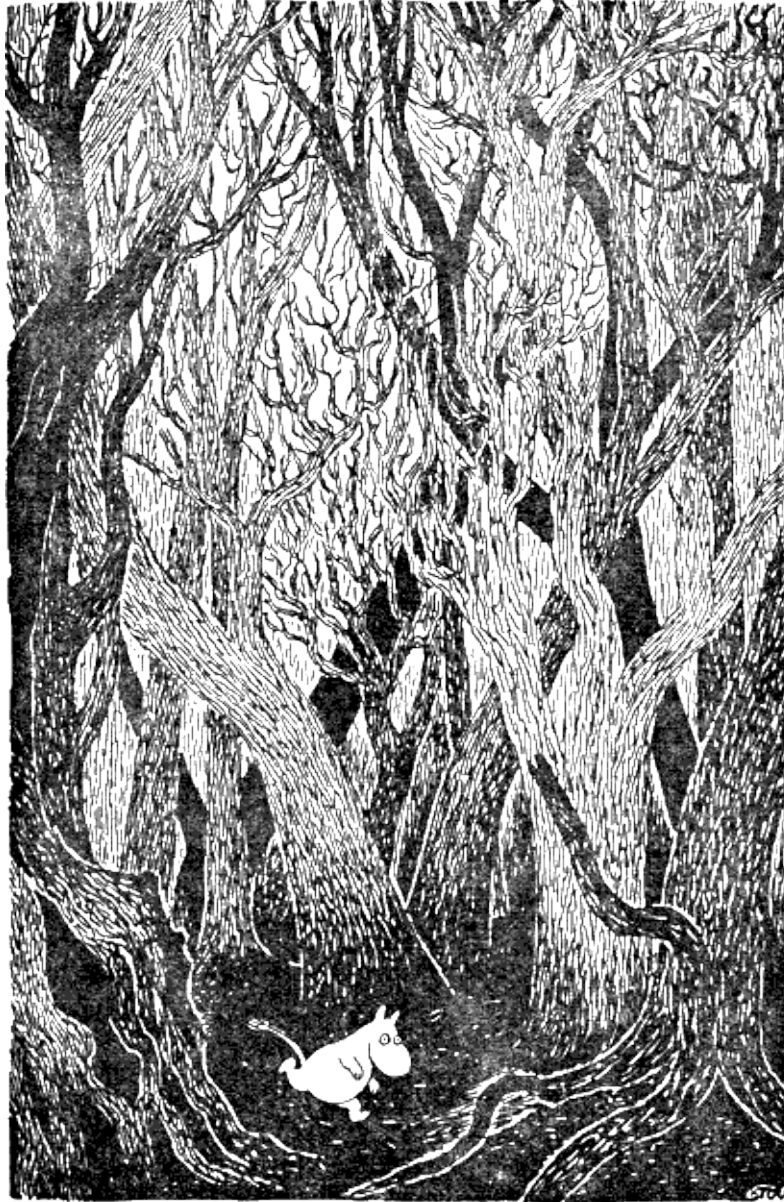
— Значит, у меня ещё есть целых двадцать семь минут, — сказал Муми-тролль, обнял свою встревоженную мать, проглотил последний кусок торта и выскочил наружу.

Воздух на берегу был горяч, как огонь, деревья стояли неподвижно, боязливо трепеща всеми свежими листьями. Комета ослепительно сверкала, закрывая собой всё небо.

Муми-тролль бежал по песку в лес и кричал во всё горло:

— Э-ге-гей, Мартышка! Покажись! Мартышка!

Красный свет под деревьями накладывал на всё какой-то жутковатый отпечаток. Нигде не было видно ни души, вся ползучая мелюзга попряталась в землю и притаилась там в страхе и ожидании.

Муми-троллю казалось, будто он остался один на свете, так ему было одиноко. Он бежал между стволов деревьев, звал, прислушивался и снова бежал. Но вот он остановился и взглянул на часы.

Оставалось всего двенадцать минут. Пора поворачивать назад.

Он крикнул напоследок и прислушался, ожидая ответа, Откуда-то издали-издали донёсся слабый писк. Муми-троль приложил лапы ко рту и снова крикнул. Теперь ответ раздался поближе. А вот и сама Мартышка скачет в листве с дерева на дерево!

— Так это ты! — восхищённо затараторила она. — Привет, привет! А я-то сижу и думаю...

— У нас нет времени для болтовни, — поспешно сказал Муми-тролль. — Следуй за мной — получишь апельсин. Только живо, не то съедят другие.

Оставалось всего пять минут...

Никогда ещё Муми-тролль не бегал так быстро. Горячий воздух жёг ему глаза, во рту пересохло.

А Мартышка прыгала с дерева на дерево и без умолку болтала и смеялась.

— Апельсины! — трещала она. — Давненько я не пробовала апельсинов. Ты уверен, что они настоящие? Если здесь и дальше будет так хорошо и тепло, вот увидишь, как быстро они полезут отовсюду. Я всегда чищу их своим особым способом...

Четыре минуты!

Между деревьями проглянул берег...

Три минуты!

Как трудно бежать по песку... Муми-тролль подхватил Мартышку на руки и стрелой понёсся к скале.

Перед входом в грот стояла его мама и ждала. Она всплеснула лапами и закричала:

— Бегом! Бегом!

С грехом пополам они вскарабкались на скалу. Муми-мама сгребла их в охапку и затолкала в грот, а потом юркнула туда сама.

— Ты успел! — воскликнула фрёкен Снорк и постепенно стала опять розовой.

— Апельсин... — начала было Мартышка и вдруг удивлённо замолкла.

Снаружи...

Снаружи как зашипит, как загудит!

Все, кроме Хемуля (он считал свои марки) и Ондатра (он застрял в тазике), бросились на песок и крепко ухватились друг за друга. Лампа погасла, и стало совершенно темно.

Комета проносилась над Землёй. Было ровно восемь часов сорок две минуты и ещё четыре секунды.

В небе шипело и грохотало, словно там рвались миллионы ракет и миллиарды ручных гранат, гора тряслась и дрожала. Хемуль упал животом прямо на ворох своих марок. Снифф заревел по-страшному, а Снусмумрик надвинул шляпу на самый нос — так казалось ему безопасней. Раскалённые камни дождём посыпались в ванну на крыше.

С гулом и грохотом комета протащила свой пылающий огненно-красный хвост над долиной, над лесом и над горами и с рёвом унеслась дальше в мировое пространство.

Пройди она чуть-чуть поближе к Земле, и очень может быть, всё разлетелось бы вдребезги. Но она лишь слегка задела её хвостом и устремилась к другим солнечным системам, таким далёким, что ей никогда уже не вернуться обратно к Земле.

Но в гроте этого не знали и думали, что после такого страшного грохота всё сгорело и ничего не осталось на Земле. Что их грот, быть может, единственное, что уцелело на свете. Они прислушивались и прислушивались, но всё тихо было снаружи.

— Мама, — спросил Муми-тролль, — теперь всё?

— Всё, маленький мой Муми-сын, — ответила мама, — Теперь всё хорошо, а сейчас надо спать. Не плачь, Снифф, опасность миновала.

— Какая жуть... — с дрожью в голосе произнесла фрёкен Снорк.

— Не думай больше об этом, — сказала Муми-мама. — Иди сюда, бедная обезьянка, согрейся.

— А апельсин? — спросила Мартышка.

— В другой раз, — ответила Муми-мама. — А теперь я спою вам колыбельную на сон грядущий.

И она запела:

Спите, ребятки, погас небосвод,
В небе кометы ведут хоровод.
Пусть приснится вам сон,
Пусть забудется он...
Ночь наступает, лишь звёзды не спят,
По пастбищам бродят сто малых ягнят.

Постепенно, один за другим, засыпали они, и совсем тихо и безмолвно стало в гроте.

Глава тринадцатая

Муми-тролль проснулся раньше всех.

Он долго не мог сообразить, где он. Потом всё вспомнил и осторожно прокрался к выходу. Тихонько приподнял краешек одеяла и выглянул наружу.

Был чудесный день. Небо не было больше зловеще красное, око снова имело свой прежний приятно голубой цвет, а на нём сияло прекрасное свежевывымытое утреннее солнце.

Муми-тролль сел на песок, подставил лицо солнцу, зажмурился и вздохнул от счастья.

Немного погодя из грота вылезла фрёкен Снорк и уселась рядом с ним.

— Как бы там ни было, небо, солнце и наша гора остались целы, — торжественно сказала она.

— И море, — прошептал Муми-тролль.

Действительно, далеко на горизонте, словно синий шёлк, сверкало и блистало море, возвращаясь в родные берега. Волны мягко скользили в своём древнем ложе и окрашивались о тёмно-зелёный цвет, навечно укладываясь на дно.

Все плавающие, вьючие и ползучие существа, которые уцелели в скопившейся на дне грязи, радостно устремлялись в прозрачную воду, водоросли и всякая морская трава всплывали, колыхаясь, и начинали медленно тянуться к солнцу. А с горизонта, пронзительно крича, в великом множестве налетали сизые чайки и начинали кружиться над побережьем.

Все, кто был в гроте, просыпались один за другим и, жмурясь, выходили на солнечный свет.

Один только Хемуль не удивился, что Земля осталась цела. Он положил на песок свой альбом с марками и сказал:

— Ну вот, теперь придётся разбирать их в седьмой раз. Но уж теперь пусть только кто-нибудь попробует поднять бузу! Я просто не знаю, что я тогда сделаю!

Внизу у края воды скакал Снифф, закрутив бантиком хвост. Вместе с Мартышкой он побежал проверять, уцелели ли после катастрофы крабы.

— Снусмумрик, ты должен сыграть утреннюю песню, — сказал Снорк.

Снусмумрик достал свою губную гармошку и заиграл изо всех сил, потому что в неё вернулись все ноты, и большие и малые.

— А ну-ка, — сказал Муми-папа, — что скажет пророк насчёт рюмочки пальмового вина после всех этих передряг?

— Пожалуй, — ответил Ондатр. — Только совсем немножко.

Муми-тролль пошёл в грот, откопал свои жемчужины и ссыпал их в лапы фрёкен Снорк.

— На, — сказал он. — Теперь можешь украсить себя со всех сторон и боков и стать самой красивой фрёкен на свете.

Но самую большую жемчужину он подарил маме.

— Милый мой Муми-сын, — сказала она, — как по-твоему, цел ли лес, и наш дом, и огород?

— По-моему, всё цело, — сказал Муми-тролль. — Пойдём посмотрим!

